

П. В.
АННЕНКОВ

Сочинения



Павел Анненков

**Материалы для
биографии А. С. Пушкина**

«Public Domain»

1855

Анненков П. В.

Материалы для биографии А. С. Пушкина / П. В. Анненков —
«Public Domain», 1855

«...внешний биографический материал хотя и занял в «Материалах» свое, надлежащее место, но не стал для автора важнейшим. На первое место в общей картине, нарисованной биографом, выдвинулась внутренняя творческая биография Пушкина, воссоздание динамики его творческого процесса, путь развития и углубления его исторической и художественной мысли, картина постоянного, сложного взаимодействия между мыслью Пушкина и окружающей действительностью. Пушкин предстал в изображении Анненкова как художник-мыслитель, вся внутренняя жизнь и творческая работа которого были неотделимы от реальной жизни и событий его времени...»

Содержание

Первая биография Пушкина	5
1	5
2	7
3	9
4	12
5	20
6	24
Глава I[46]	28
Глава II	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39
Комментарии	

Павел Васильевич Анненков

Материалы для биографии А.С. Пушкина

Первая биография Пушкина

1

«Если за Белинским остается заслуга первой критической оценки Пушкина в связи с развитием новой русской литературы, то прекрасное начало научному истолкованию художественной деятельности поэта в связи с событиями его жизни положено было, без сомнения, П.В. Анненковым»¹. Так академик Л.Н. Майков еще в конце XIX века справедливо оценил историческую роль Анненкова-пушкиниста, верно указав тем самым на непреходящее значение его трудов и сегодня.

В университетских курсах и общих руководствах по истории русской литературы Анненков обычно характеризуется лишь как либеральный критик 50–60-х годов, выступавший вместе с В.П. Боткиным и А.В. Дружининым против идей революционно-демократической критики Чернышевского и Добролюбова и защищавший в полемике с ними идеи «чистого искусства». Хотя критическое наследие Анненкова и представляет самостоятельный интерес и нуждается в особой оценке², подлинное место Анненкова в истории русской культуры определяет не оно, а три другие, более серьезные и важные его заслуги.

Первая из них (и, может быть, главная) состоит в той выдающейся роли, которая принадлежала Анненкову как участнику общественной и литературной жизни его эпохи. Современник Н.В. Гоголя, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.П. Огарева, К. Маркса, И.С. Тургенева, Анненков сумел по достоинству оценить масштаб личности каждого из этих выдающихся своих современников. Уже то, что Гоголь, в течение многих лет хорошо знавший Анненкова, доверил ему в 1841 году такое ответственное дело, как переписка под свою диктовку для печати первого тома «Мертвых душ», дает Анненкову право на бессмертие в истории русской литературы. Но это – всего лишь одна из многих заслуг его перед современниками и потомством. Белинский в последние годы жизни настолько высоко ценил ум Анненкова, что именно в письмах к нему изложил в 1847–1848 годах многие из самых заветных своих мыслей. В 1847 году критик писал в Зальцбрунне свое знаменитое письмо к Гоголю, находясь здесь в обществе Анненкова, и ему первому его прочитал. Незадолго до этого, 28 декабря 1846 года, К. Маркс в знаменитом письме к тому же Анненкову впервые изложил свою критику «Философии нищеты» П.-Ж. Прудона, представляющую предварительный конспект писавшейся в это время книги «Нищета философии», исходные положения которой легли в основу созданного вскоре «Коммунистического манифеста» (1848). В 1848–1864 годах Анненков неоднократно встречался и поддерживал оживленную переписку с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым и некоторое время был одним из корреспондентов герценовской вольной русской печати. Еще в 40-х годах произошло знакомство Анненкова также с Тургеневым, постоянным литературным советчиком которого он оставался до смерти великого писателя, причем Тургенев настолько доверял его эстетическому вкусу, что считал одобрение Анненкова необходимым условием публикации

¹ Майков Л. Пушкин. СПб., 1899, с. 319.

² См. об Анненкове-критике: Кулешов В.И. История русской критики XVIII–XIX веков, М., 1978; Егоров Б.Ф.: 1) П.В. Анненков – литератор и критик 1840–1850-х гг. – В кн.: Учен. зал. Тартуского гос. ун-та, вып. 209. Тарту, 1968; 2) Борьба эстетических идей в России середины XIX в. Л., 1982. Вопросы о значении мемуаров Анненкова посвящены работы Б.М. Эйхенбаума, В.П. Дорофеева, В.И. Кулешова

своих произведений. Чтобы довершить список близких знакомых Анненкова, следует упомянуть о встречах его, беседах и переписке в разные годы жизни также с В.П. Боткиным, М.А. Бакуниным, Н.А. Некрасовым, А.Н. Островским, А.Ф. Писемским, Л.Н. Толстым, М.С. Щепкиным и многими другими выдающимися деятелями русской культуры того времени.

Вторая, не менее важная заслуга Анненкова перед русской культурой определяется его блестящим талантом мемуариста. Именно в жанре мемуаров (а не в жанрах повести и путевых записок, хотя до обращения к жанру мемуаров он пробовал себя в них) Анненков нашел истинное свое литературное призвание. При всех принципиальных идеологических разногласиях между либерально настроенным Анненковым, с одной стороны, и революционерами А.И. Герценом и П.А. Кропоткиным, с другой, такие сочинения Анненкова, как «Гоголь в Риме летом 1841 года» (1857), «Замечательное десятилетие» р. 880), «Идеалисты тридцатых годов» (1883), «Молодость И.С. Тургенева» (1884) и другие, – наряду с «Былым и думами» Герцена и «Записками революционера» Кропоткина – составляют художественную вершину классической русской мемуарной литературы второй половины XIX века. Сыграв громадную роль в воспитании многих поколений передовой русской читающей публики, литературные воспоминания Анненкова навсегда вошли в золотой фонд не только русской, но и мировой мемуарной классики. Анненкову с исключительной психологической глубиной удалось уловить и передать в них тот особый, высокий накал духовной жизни, который составлял наиболее характерную черту идейного развития русского общества XIX века.

Наконец, третья, долгое время недооцененную критикой и литературоведческой наукой заслугу Анненкова, дающую ему право на горячую признательность потомков, составляют его пушкиноведческие труды. Анненкова можно без преувеличения назвать первым ученым-пушкинистом, ибо, наряду с В.Г. Белинским, он явился основоположником всей последующей исследовательской литературы о Пушкине. А осуществив в 1855–1857 годах первое критическое издание сочинений Пушкина, основанное на предпринято» им текстологическом изучении доступного ему в то время рукописного наследия великого поэта, Анненков не ограничился этим. Он предпослал изданию первый опыт научного истолкования жизни и творчества А.С. Пушкина в их живом, неразрывном единстве – это публикуемые в настоящей книге «Материалы для биографии А.С. Пушкина» (1855). Свои занятия по изучению биографии и рукописей поэта Анненков продолжает до последних дней. И хотя русская наука о Пушкине выдвинула в XIX и начале XX века ряд других видных представителей, из которых одни были современниками Анненкова (П.И. Бартенев), а другие – продолжателями начатого им великого исторического дела (В.В. Якушкин, Н.И. Черняев, П.О. Морозов, Л.Н. Майков, С.А. Венгеров), все же сегодня можно без преувеличения сказать, что заслуги в области пушкиноведения ни одного из представителей русской академической науки о литературе до Октября не могут быть сопоставлены с заслугами Анненкова-пушкиниста. Лишь советская наука в лице Б.Л. Модзалевского, П.Е. Щеголева, М.А. Цявловского, В.В. Томашевского, С.М. Бонди и других выдающихся ее представителей явилась впервые в истории изучения наследия Пушкина достойной продолжательницей того великого дела, начало которому было положено Анненковым в 50-е годы XIX века.

2

П.В. Анненков родился 19 июня (1 июля) 1813 года, в семье богатого симбирского помещика. Один из его братьев, Федор Васильевич, стал впоследствии нижегородским губернатором, другой – Иван – с 1846 года был флигель-адъютантом Николая I, а позднее – начальником Петербургского жандармского управления, петербургским обер-полицмейстером и дослужился до чина генерал-адъютанта. Но сам П.В. Анненков, несмотря на военные и чиновные связи отца и братьев, не захотел стать ни чиновником, ни военным. Поступив юношей в Горный институт, он вскоре бросил его, предпочтя философский (историко-филологический) факультет Петербургского университета, который некоторое время посещал в качестве вольнослушателя. В 1833 году Анненков поступил на службу в канцелярию министерства финансов, но вскоре оставил ее и в 1840 году почти на восемь лет уехал за границу, лишь изредка ненадолго возвращаясь на родину. Еще в 1832 году Анненков познакомился с Гоголем и вошел в круг его бывших товарищей по Нежину, а также петербургских друзей и знакомых. Возможно, именно это обстоятельство сыграло в самоопределении молодого Анненкова решающую роль, приобщив его к кругу литераторов и навсегда отвратив от мысли о чиновничьей карьере. В 1841–1842 годах в «Отечественных записках» появились анненковские «Письма из-за границы» – первый из циклов его путевых очерков, за которым последовали «Письма из Парижа» (Современник, 1847, №№ 1–4), а позднее, по возвращении его в Россию, – остро разоблачительные «Письма из провинции» (там же, 1849–1851). За границей Анненков, как мы уже знаем, вновь встретился с Гоголем. Весной и летом 1841 года в Риме он стал ближайшим соседом и собеседником великого писателя и оказал русской литературе неоценимую услугу, переписав под его диктовку первый том «Мертвых душ» (с начальными главами которого Анненков познакомился еще в 1839 году, когда Гоголь в Петербурге читал их на вечере у своего нежинского друга, общего их приятеля Н.Я. Прокоповича). В 1846 году Анненков познакомился в Брюсселе с К. Марксом, в 1847 году сопровождал В.Г. Белинского в Зальцбрунн, а 1848 год провел в Париже, близко общаясь с А.И. Герценом и вместе с ним наблюдая тогдашние революционные события. Период жизни за границей был временем наиболее усиленного интереса Анненкова к идеям западноевропейской демократии и современного ему социализма. Однако в этом своем интересе Анненков никогда не переходил известной черты, а страх, внушенный ему революцией 1848 года, побудил его навсегда утвердиться на позициях полного и решительного неприятия революционных путей преобразования общества, неизбежно связанных в представлении Анненкова с нежелательными «крайностями» и «эксцессами», которых он боялся и которых – для России – хотел избежать. Впрочем, и до этого Анненков, как видно из писем к нему В.Г. Белинского, критически относился к герценовской критике буржуазной Франции, считая главной движущей силой истории не народ, а состоятельные и образованные классы.

Это отнюдь не значит, что западноевропейские впечатления, знакомство с К. Марксом, общение с Белинским и Герценом прошли для Анненкова бесследно. Человек высокой культуры, Анненков, как свидетельствуют его статьи и письма, никогда не мог вполне отрешиться от мысли о несправедливости социального неравенства и угнетения. Но, признавая несправедливость существующих порядков с высшей этической точки зрения, он в то же время полагал, что имущественное неравенство – по крайней мере, в условиях его эпохи – не может быть устранено, ибо только оно дает лучшим представителям господствующих классов состоятельность и досуг, необходимые для культурной работы, развития высших задатков человеческого ума и сердца. Да и для себя лично Анненков высоко ценил материальную обеспеченность, дававшую ему возможность беспрепятственно наслаждаться благами культуры и образования

и, не смущаясь заботой о куске хлеба, на досуге, спокойно и неторопливо заниматься литературным трудом.

В соответствии с этим Анненков утверждал, что в свойствах русского характера и «складе нашей жизни нет ничего похожего на героический элемент». И задачей русского писателя он считал изображение не натур героического склада, а тех, кто имел силу и мужество сохранить «нравственное достоинство среди всеобщего растления»³. Предварительное условие сохранения подобной силы и мужества было «обеспеченное состояние лиц, огражденных крепостным режимом от труда и богатых досугом, который они и употребили на изумительную обработку своего внутреннего мира»⁴.

Поэтому писатель-художник его времени, по Анненкову, симпатизируя прогрессу и общественным реформам, не должен был превращаться в «учителя и пророка». Его цель, считал Анненков, в первую очередь, способствовать духовному – нравственному и эстетическому – развитию общества и его самопознанию, но не стремиться направить общественную энергию на действенное, практическое преобразование сложившихся условий жизни, какого бы глубоко нравственного осуждения и отпора эти условия ни вызывали (хотя желание избежать общественных эксцессов не мешало Анненкову не только до крестьянской реформы 1861 года, но и после нее отчетливо сознавать, что положение русского общества – и, в частности, отношения дворянства и крестьянства – по своему объективному смыслу «не есть мир, а война, борьба и столкновение»)⁵.

Указанные основные черты мировоззрения Анненкова во многом определили его позицию в литературно-общественной борьбе 50-х годов, равно как и особенности его мемуарных и биографических работ, в том числе «Материалов для биографии А.С. Пушкина».

Анненков умер 8 (20) марта 1887 года в Дрездене. Пережив почти всех людей своего поколения, он в последние годы, по-видимому, остро ощущал свое одиночество, враждебность к нему народнической критики, а также неприязненную, пристрастную оценку его работ о Пушкине учеными младшего поколения – П.А. Ефремовым и В.Е. Якушкиным, недооценивавшими как тяжести той исторической обстановки, в которой Анненков в 1850-е годы писал «Материалы для биографии А.С. Пушкина» и готовил издание сочинений поэта, так и благотворного нравственно-воспитательного и просветительного значения этого его труда.

³ Анненков П.В. Воспоминания и критические очерки, т. II. СПб., 1879, с. 167–168.

⁴ Анненков П.В. Литературные воспоминания. СПб., 1909, с. 668.

⁵ Анненков П.В. Письмо к А.В. Дружинину от 12 июня 1861 г – В кн.: Письма к А.В. Дружинину. М., 1948, с. 29.

3

Когда Анненков осенью 1849 года вернулся в Россию из Франции, обстановка, которую он застал на родине, вызвала у него глубокое уныние.

«По приезде из Парижа в октябре 1849 года, – вспоминал он, – состояние Петербурга представляется необычайным: страх правительства перед революцией, террор внутри, предвидимый самим страхом, преследование печати, усиление полиции, подозрительность, репрессивные меры без нужды и без грани <...> Возникает царство грабежа и благонамеренности в размерах еще не бывалых <...> Трудно представить себе, как тогда жили люди. Люди жили, словно притаившись. На улицах и повсюду царствовала полиция, официальная и просто любительская <...>»⁶

Усиление крайней реакции в последние годы жизни Николая I, цензурный террор, процесс и осуждение петрашевцев произвели на Анненкова гнетущее впечатление. Свидетель создания письма Белинского к Гоголю, близкий знакомый Гоголя, Белинского, Герцена, Бакунина, Анненков на два года уезжает из Петербурга в провинцию и симбирскую деревню из боязни ареста и полицейских преследований, которая, видимо, долго не покидает его, несмотря на влиятельных братьев, пользующихся личной милостью царя.

Именно в это время в руки Анненкова неожиданно, волею судеб, попало рукописное наследие Пушкина, и это определило едва ли не все дальнейшее направление его литературной деятельности.

Дело в том, что к концу 40-х годов первое посмертное издание сочинений Пушкина, выпущенное в 1838–1841 годах и дававшее текст его сочинений в крайне урезанном и искаженном цензурой виде, было распродано. В связи с этим в 1849 году Н.Н. Пушкина-Ланская и ее муж задумали осуществить новое издание сочинений поэта.

Из-за невыгодных условий, на которых соглашались предпринять издание Пушкина те петербургские книгоиздатели и книгопродавцы, к которым они обратились со своим предложением, Ланские пришли к решению сами выступить в качестве издателей. А так как муж Н.Н. Пушкиной-Ланской служил генералом в том же полку, что и брат Анненкова Иван Васильевич, недавно назначенный флигель-адъютантом Николая I и к тому же считавшийся (как автор четырехтомной «Истории лейб-гвардии Конного полка от 1731 по 1848 год») в военном кругу «литератором», Ланской обратился к нему в конце 1849 – начале 1850 года за советом и помощью в осуществлении этого дела.

«В это время (зимой 1849/50 г. – Г.Ф.) Ланская, по первому мужу Пушкина, – вспоминал позднее по этому поводу П.В. Анненков, – делами которой по дружбе к семейству занимался брат Иван, пришла к мысли издать вновь сочинения Пушкина <...> Она обратилась ко мне за советом и прислала на дом два сундука его бумаг. При первом взгляде на бумаги я увидел, какие сокровища еще в них таятся, но мысль о приятии на себя труда издания мне тогда и в голову не приходила. Я только сообщил Ланской план, по которому, казалось мне, должно быть предпринято издание...»⁷

Разрешение на испрашиваемое издание, общий план которого (и которое должно было с небольшими поправками повторять издание 1837–1841 годов) составил Анненков, было по прошению Н.Н. Ланской и Опеки, учрежденной после смерти поэта Николаем I над детьми Пушкина и его имуществом, дано III Отделением 31 августа 1850 года. Но, к счастью для потомства, издание это не было осуществлено в том урезанном виде, в каком было первоначально задумано.

⁶ Анненков П.В. Две зимы в провинции и в деревне. С января 1849 по август 1850 года. – Былое, 1922, № 18, с. 4–9

⁷ Анненков П.В. Две зимы в провинции и в деревне. – Былое, 1922, № 18, с. 10.

Ознакомившиеся с бумагами Пушкина более внимательно, чем их брат, который вначале, по-видимому, лишь бегло их просмотрел, И.В. и Ф.В. Анненковы убедились, что в их руки попало действительно неоценимое достояние. В результате 21 мая 1851 года И.В. Анненков подписал с Н.Н. Ланской письменный договор, по которому она уступила ему право на издание сочинений ее первого мужа. Так как П.В. Анненков некоторое время колебался, считая себя недостаточно подготовленным для исполнения этого дела, и не давал братьям окончательного согласия на то, чтобы взять издание в свои руки и написать для него биографию поэта (которой, после советов И.В. Анненкова с Н.А. Некрасовым, В.П. Боткиным, П.А. Плетневым и П.А. Вяземским, было решено его открыть), Некрасов рекомендовал воспользоваться для этой цели помощью критика «Отечественных записок» С.С. Дудышкина. Но в конце концов братьям удалось своей настойчивостью рассеять сомнения П.В. Анненкова и побудить его горячо и энергично взяться за дело, несмотря на пугавшую его «громкость задачи»⁸. При этом И.В. Анненков передал брату и само право выступить в качестве официального издателя и редактора.

Как свидетельствуют черновые бумаги П.В. Анненкова, мысль взять на себя работу над сборником материалов для биографии Пушкина возникла у него, по-видимому, уже в конце 1850 года. Однако переписка с братьями, которые настойчиво убеждали его взять на себя работу над изданием и биографией Пушкина, растянулась на сравнительно долгий период – с весны по осень 1851 года⁹. Впрочем – по словам Анненкова – «страх и сомнения в удаче обширного предприятия, на которое требовались, кроме нравственных сил, и большие денежные затраты, не покидали меня и в то время, когда уже, по разнесшейся вести о нем, я через Гоголя познакомился с Погодиным; а через Погодина с Бартеневым (П. Ив.), Нащокиным и другими лицами, имевшими биографические сведения о поэте. Вместе с тем я принялся за перечитку журналов 1817–1825 годов»¹⁰.

Решение Анненкова стать издателем сочинений А.С. Пушкина и автором его биографии было все же вполне продуманным, целенаправленным и обусловленным глубокими – и притом идеологическими – причинами.

Характерными особенностями натуры Анненкова, как он сам хорошо понимал и в чем не раз признавался в своих письмах, были нерешительность, отсутствие в действиях твердой и ясной цели.

Горячие убеждения братьев взяться за издание Пушкина помогли Анненкову, как это не раз случалось с ним и позднее, преодолеть свойственную ему инертность. Но, взяв на себя дело подготовки нового издания Пушкина, Анненков обретает на долгое время поразительную энергию и целеустремленность в выполнении намеченной программы.

При этом Анненкова увлекают не узко специальные научные задачи, связанные сготавливаемым изданием. В условиях «мрачного семилетия» 1848–1855 годов выход нового собрания сочинений Пушкина и правдивое воссоздание исторического облика великого поэта предстают перед Анненковым постепенно как важные, насущно необходимые исторические задачи, без решения которых невозможно восстановление нормальной преемственности между прошлыми культурными традициями русского общества и современностью, – преемственности, поколебленной реакцией конца 40-х – начала 50-х годов. Сознание ответственности этой задачи и ее культурного значения сделало на долгое время работу над Пушкиным главным делом жизни Анненкова.

⁸ Там же, с. 12

⁹ См.: Модзалевский Б.Л. Пушкин. Л., 1929 (где письма И.В. и Ф.В. Анненковых к брату по этому поводу, опубликованные на с. 881–394, ошибочно датированы 1852 г.)

¹⁰ Былое, 1922, № 18, с. 16.

«В Пушкине общество признало себя великим историческим лицом, – очень натурально, что о нем стали собирать биографические данные, как и о всяком лице в народной истории»¹¹, – писал в 1857 году Н.Г. Чернышевский, намекая на анненковские материалы и рассматривая «Записки» П. А. Кулиша о Гоголе, очерк Анненкова о Станкевиче (и, по-видимому, роман Герцена «Былое и думы», который Чернышевский не имел возможности назвать в подцензурной печати) как разные формы проявления пробудившейся в русском обществе в эпоху «мрачного семилетия» острой потребности в восстановлении поколебленной исторической и культурной связи между прошлой и современной умственной жизнью передовой России. Сам Чернышевский, как мы хорошо знаем, также стремился укрепить эту связь, создавая в 50-е годы «Очерки гоголевского периода русской литературы», где он дал развернутую оценку исторического значения критической деятельности В.Г. Белинского для русского общества.

«Помню я, – заметил Анненков в одном из своих писем, – что в 1849 году Гоголь находил необычайную пользу для литературы в тогдашней системе цензурного ограничения: это, говорил он, временный арест, чтоб заставить людей мыслить. Иногда кажется, что он прав. Десять лет молчания, которые способны были отупить любую другую, не молодую нацию, подготовили у нас только настоящую литературу <...>»¹². В работе по подготовке нового периода русской литературы, призванного сменить эпоху «мрачного семилетия», стремился по-своему принять участие и Анненков, создавая «Материалы для биографии А.С. Пушкина» и готовя новое, первое критическое издание произведений поэта.

Имена Пушкина, Гоголя, Белинского навсегда остались окруженными в его глазах священным ореолом. И как бы ни расходился он в понимании их творчества с Герценом и Чернышевским, Анненков считал себя призванным отстаивать и защищать их наследие в борьбе с общественной пассивностью, бездуховностью, отказом от высоких этических идеалов, характерными для основной части русского дворянства в эпоху «мрачного семилетия».

И недаром, вспоминая об эпохе «мрачного семилетия» и о своей личной позиции в литературно-общественной борьбе той эпохи, Анненков писал в конце жизни: «<...> Сильно ошибаются те из наших современников, которые представляют себе положение русской литературы в описываемый промежуток времени исключительно и безусловно страдательным <...> Писатели, издатели, труженики всех родов, напротив, много и деятельно работали тогда <...> Если нравственные и умственные силы общества оказались налицо, и даже в значительном обилии, тотчас же, как сняты были первые путы, мешавшие их движению, то этот несомненный факт нашей жизни, удививший многих <...>, подготовлен был всецело предшествовавшим периодом литературы»¹³.

¹¹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 16-ти т., т. IV. М., 1948, с. 718.

¹² Труды Публ. б-ки СССР им. В.И. Ленина, вып. 3. М., 1934, с. 78.

¹³ П.В. Анненков и его друзья, т. I. СПб., 1892, с. 398–399.

4

Работа над созданием «Материалов для биографии А.С. Пушкина» заставила Анненкова параллельно решать две взаимосвязанные задачи. Первая из них состояла в создании наиболее полной и объективной в существовавших в то время условиях внешней картины жизни поэта от рассказа о его предках, обстоятельствах его рождения и воспитания, окружавшей его в детстве культурной и литературной среде до смерти Пушкина. Для живого воссоздания этой картины Анненков не мог ограничиться теми скудными, разноречивыми свидетельствами и фактами, которые успели появиться в печати за период, протекший с момента гибели Пушкина до начала 50-х годов. Чтобы критически проверить их и добыть достаточное количество материалов для сколько-нибудь целостной и вместе с тем исторически верной – хотя бы в общих чертах – биографии поэта, он должен был в течение ряда лет посещать лиц, знавших Пушкина, и переписываться с ними, раздобывая от них часто буквально по крупницам тот биографический материал, которым они располагали.

5 декабря 1852 года, в разгаре своих трудов, Анненков писал М.П. Погодину: «Работа моя, известная Вам, оказалась гораздо сложнее, чем я думал. Биография подвигается медленно, что объясняется ее задачей – собирать сведения о Пушкине у современников. Вы знаете, какая бывает беготня за современниками. Биография Пушкина есть, может быть, единственный литературный труд, в котором гораздо более разъездов и визитов, чем занятий и кабинетного сидения. Мне удалось уже отобрать письменные сведения у барона Корфа, Матюшкина, Комовского, Яковлева (товарищей Пушкина по Царскосельскому лицей. – Г.Ф.). Много еще обещают впереди. Я писал отсюда к Вельтману и С.Ф. Полторацкому, прося их о сообщении историй их знакомства с Пушкиным, особенно касательно кишиневской и одесской ее эпох, но ответов еще не получил. Горько будет, если совсем не получу. П.А. Плетнев, которому читал я первые листы биографии, делится своим добром весьма радушно <...> Оценить его (Пушкина. – Г.Ф.) заслуги, может быть, я не сумею, но в способности понять этот удивительный характер – вряд ли кому уступлю. Много и здесь я получил от друзей-неприятелей его странных поминок, но в самых рассказах их превосходная личность Пушкина выказывается чрезвычайно ясно, назло им»¹⁴.

До нас дошли бумаги Анненкова, в которых отражен круг современников, к помощи которых он обращался. 23 декабря 1850 года (3 января 1851 г.) Н.В. Берг записал для Анненкова воспоминания о Пушкине С.П. Шевырева. Анненкову удалось также записать в 1851–1852 годах устные рассказы о Пушкине и его эпохе (или получить рукописи письменных воспоминаний о них) от брата поэта Л.С. Пушкина, его сестры Ольги Сергеевны и ее мужа Н.И. Павлищева, Я.И. Сабурова, К.К. Данзаса, П.В. Нащокина, П.А. Катенина, В.И. Даля, С.А. Соболевского, В.А. Соллогуба, А.А. Кононова, Н.И. Вульфа, ознакомиться с рядом неизданных архивных документов о поэте. Н.Н. Пушкина-Ланская предоставила в распоряжение Анненкова часть писем поэта к ней, к ее матери и к другим лицам, а также рассказала ему некоторые подробности о взаимоотношениях Пушкина с семьей Гончаровых в период, предшествовавший их женитьбе. Помощь Анненкову в ходе работы над монографией оказывали также Н.В. Гоголь, П.А. Вяземский и П.А. Плетнев.

В сентябре 1851 года Гоголь писал М.П. Погодину, рекомендуя ему Анненкова: «Павел Васильевич Анненков, занимающийся изданием сочинений Пушкина и пишущий его биографию, просил меня свести его к тебе затем, чтобы набрать и от тебя материалов и новых сведений по этой части,

¹⁴ Барсуков Н.П. Жизнь и труды Погодина, т. XII. СПб., 1893, с. 240–241

Если найдешь возможным удовлетворить, то по мере сил удовлетвори, а особенно покажи ему старину <...>¹⁵

Несмотря на длительную переписку с Погодиным и постоянно возобновляемые просьбы прислать его воспоминания о Пушкине, Анненков так и не смог воспользоваться в «Материалах» его помощью. К записи своих воспоминаний о поэте Погодин приступил лишь в 1864 году, передав их для публикации П.И. Бартеневу. Тем не менее Анненков и после 1856 года не оставлял работы над собиранием и изучением воспоминаний современников о Пушкине. В 1857 году ему удалось через посредство Л.Н. Толстого получить рукопись воспоминаний о встрече с Пушкиным на Кавказе в 1829 году И.И. Пушина, а в 1859 году – воспоминаний о нем А.П. Керн. Анненков был также одним из первых, оценивших значение воспоминаний о Пушкине И.И. Пушина, опубликованных впервые в неполном виде в 1859 году, хотя сам Анненков, в отличие от Пушина, вынужден был в «Материалах» полностью обойти вопрос о личных и идейных связях поэта с декабристами, да и позднее в книге «Пушкин в александровскую эпоху» (1874) трактовал их с иных, чем Пушин – умеренно либеральных позиций.

Вторым источником анненковской биографии Пушкина послужило изучение русских газет и журналов 10–30-х годов. В бумагах Анненкова, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР, есть несколько тетрадей его выписок и извлечений из русских журналов 10–30-х годов XIX века – «Вестника Европы», «Московского вестника», «Атеней», «Московского телеграфа», «Телескопа» и т. д. «Очевидно, – заметил по этому поводу цитированный выше Л.Н. Майков, первый издатель собранных Анненковым черновых материалов, опубликовавший часть их после смерти критика, – биограф придавал особое значение старинной журнальной полемике и справедливо искал в ней указаний на то, как постепенно слагалось в русском обществе воззрение на поэтическую деятельность Пушкина»¹⁶.

Наконец, главный источник «Материалов» составили рукописи поэта, которые впервые после В.А. Жуковского стали доступны Анненкову и глубокое тщательное изучение и использование которых помогло ему создать не обычную биографию поэта в ходовом, общепринятом смысле слова, а поистине уникальную по своему жанру и выдающуюся по художественным достоинствам книгу о великом русском поэте.

Работая над изданием сочинений Пушкина и его биографией, Анненков, подобно Чернышевскому и Добролюбову, относился полемически к «школе тех археологов и исследователей, которые, освободив себя от труда мышления, заменили его трудом простого собирания документов, сличения разностей между текстами, перечетом отметок, которые существуют на различных актах, и тему подобными предварительными работами <...>». В противовес представителям мелочной «библиографической» критики, он считал своею долгом «обобщать факты, извлекать из них определение, основываясь на внутреннем их содержании, достигать положительных выводов и заключений, опираясь на мысль, полученную из <...> сущности и духа» собранных материалов¹⁷.

«Собиратели биографических подробностей и передатчики своих воспоминаний представляют обыкновенно работу создания лица самим документам и данным, какие они сообщают, ничем не помогая им от себя, кроме примирения встречающихся противоречий более или менее искусственными приемами и кроме наблюдений за равномерным распределением темных и светлых красок в своих картинах с помощью большей или меньшей обработки тех или других», – писал Анненков уже в 60-е годы, через десять лет после завершения «Материалов». Между тем «войти в какие-либо близкие, родственные, интимные отношения с одним

¹⁵ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. в 14-ти т., т. XIV. М., 1952, с 253.

¹⁶ Майков Л. Пушкин, с. 320.

¹⁷ П.В. Анненков и его друзья, с. 445–446

уже отжившим существованием можно только через посредство исторического чутья и художественного инстинкта, соединенных вместе». Только таким образом биограф добьется цели «освободить благородное лицо Пушкина от условных представлений и возвратить ему в биографии то мужественное нравственное выражение, которое производило такое обаятельное выражение на окружающих при его жизни и способное выдержать, не изменяясь, все возможности разоблачения, факты и даже позорные нападки после того»¹⁸.

Примечательно письмо Анненкова к А.П. Керн, где, убеждая ее написать воспоминания о Пушкине, Анненков замечал, что при этом ей надо стать выше «маленьких и пошленьких соображений мещанского понимания морали, <...> допускаемого и недопускаемого в обществе», ибо только при этом условии можно «показать лицо и событие во всей их правде и так, чтобы самая эта правда нисколько не мешала ни любить, ни уважать их». Только при соблюдении этого условия биограф и мемуарист, согласно Анненкову, становятся достойными получить «имя летописца, эпохи»¹⁹.

Стремясь в «Материалах» и других своих трудах о Пушкине дать характеристику Пушкина как «человека и замечательного типа своего времени», Анненков, по собственному признанию, тщательно избегал панегирического тона²⁰, того, что в XX веке Маяковский, говоря о работах пушкинистов, называл «хрестоматийным глянцем». Биографию поэта Анненков стремился основать на «местной правде», «на истине и неопровержимых «фактах»²¹. Обобщая и объединяя в «Материалах» свидетельства современников о поэте, Анненков смог донести до нас живые их голоса, сумев в то же время придать лучшим страницам своей книги внутреннюю художественную цельность и ту редкую свежесть и убедительность, которая свойственна обычно живым свидетельствам современников. Его книга приобрела для сегодняшнего читателя ту же особую ценность, что и произведения Анненкова-мемуариста, хотя он и не был непосредственным свидетелем жизни поэта или его собеседником, а писал свою книгу на основе тонкого художественного творческого «вживания» в атмосферу еще сравнительно близкой ему пушкинской эпохи.

«Это не панегирик и не апология, – писал Чернышевский об очерке Анненкова «Гоголь в Риме летом 1841 года», – это просто правдивый рассказ, который для доброй славы человека бывает лучше всяких панегириков и апологий». «Он не делает нашего великого писателя идеалом всевозможных добродетелей, но видит в нем человека, которого трудно было бы не полюбить, соединившись с ним, и нельзя было бы не уважать, поняв его, – и читатель верит тому»²². Эти слова Чернышевского можно отнести и к анненковской биографии Пушкина, несмотря на свойственные ей недостатки, обусловленные как временем и обстоятельствами ее появления, так и противоречиями мировоззрения самого первого биографа Пушкина.

«Цель биографии – уловить мысль Пушкина», – заметил Анненков. Слова эти определяют новаторский характер его «Материалов».

Стремясь очертить особое, специфическое место Пушкина в истории русской поэзии, Белинский проводил рубеж между Пушкиным и его предшественниками, с одной стороны, Пушкиным и преемниками его в русской литературе, с другой. Творчество Пушкина, по мысли Белинского, было закономерным звеном развития истории и русской культуры, оно было подготовлено всеми его предшественниками в истории русской поэзии, творчество которых влилось в его поэзию, как малые реки в большую. Но в то же время между Пушкиным и его предшественниками было, по Белинскому, и существенное различие. У русских поэтов допуш-

¹⁸ Анненков П.В. Отрывок из статьи (1866). – Вопросы литературы, 1979, № 6, с. 141–144

¹⁹ Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 109, с. 85

²⁰ Анненков П.В. А.С. Пушкин в александровскую эпоху. СПб., 1874, с. V–VI.

²¹ Там же, с. VIII. Ср.: Труды Публ. б-ки СССР им. В.И. Ленина, вып. 3. М., 1934, с. 76.

²² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 16-ти т., т. IV. М., 1948, с. 719.

кинской поры от Ломоносова до Жуковского поэзия была выражением благородных и добрых чувств, имела более или менее дидактический характер. Пушкин же дал в России непревзойденный образец поэзии уже не как проявления благородного чувства, но поэзии как искусства в высшем и совершеннейшем значении этого слова. Его поэзия явилась живым отблеском не прекраснотушной мечты, но реальной красоты и поэзии самой жизни, облаченным в столь же совершенную, адекватную ей артистическую художественную форму. Освободить поэзию от всех посторонних примесей и благодаря этому остаться навсегда эстетическим воспитателем будущих поколений русского общества – таковы были, по Белинскому, призвание и величайшая, вечная заслуга Пушкина в истории русской культуры. Но, сохранив навсегда значение нормы и образца русского художественного гения, поэзия Пушкина в другом отношении, по мнению критика, стала рубежом, который русское общество и русская культура исторически закономерно должны были на известное время оставить за собой в процессе дальнейшего развития. Ибо для передовой России вслед за эпохой «искусства» наступила другая эпоха – «мысли» и революционного «дела» – и представителями этой эпохи явился уже не Пушкин, а его ученики – Лермонтов и Гоголь, страстное и беспокойное творчество которых, насыщенное критическим духом, пафосом сомнения и отрицания, отвечало революционному характеру новой, послепушкинской эпохи русской жизни.

Утверждая взгляд на Пушкина как на «поэта-артиста», «поэта-художника», историческая миссия которого вытекала из исторических задач его времени и состояла в создании для будущих поколений высшего возможного образца «поэзии как искусства», Белинский исходил из тех же социально-исторических соображений, из которых, например, исходил в Германии Г. Гейне. Провозгласив Гете величайшим художником слова, Гейне отнес его тем не менее к миновавшей для новейшего революционного времени «эпохе искусства» («Kunstperiode»), которой суждено одновременно навсегда остаться вершиной национальной художественной культуры и в то же время исторически закономерно уступить свое место иному, более субъективно экспрессивному, энергичному типу творчества, непосредственно обращенному к новым потребностям жизни, ее резким противоречиям и противоборствующая тенденциям.

Исходя в «Материалах» в ряде случаев из тезиса Белинского о Пушкине как «поэте-художнике» по преимуществу, Анненков придал этому тезису новый – полемический – оттенок, чуждый Белинскому. Эстетические идеи Пушкина Анненков сблизил не только с эстетической платформой «Московского вестника», но и с теорией «чистого искусства», как понимал ее сам Анненков. «<...> Он (Пушкин. – Г.Ф.) усвоил себе теорию «творчества, которая проводила резкую черту между художником и бытом, его окружающим», – писал в связи с этим Анненков в «Материалах». «...Из круга молодых людей, содействовавших успеху журнала («Московского вестника». – Г.Ф.), вынес он свой полный, установившийся, свой взгляд на художника и искусство», высокую цель которых он считал «независимой от требований современности <...> Как служитель изящного, он не принадлежал толпе, не разделял ее стремлений и не признавал ее нужд».

И, однако, своеобразный исторический парадокс состоит в том, что, провозгласив Пушкина – в соответствии с идеями «эстетической» критики 50-х годов – сторонником теории «бессознательного» «чистого искусства», искавшим в мире поэзии эстетического «примирения» противоречий жизни, именно Анненков на деле в анализе жизни и творчества поэта вступил в глубочайшее явное и очевидное противоречие с этим тезисом. Книга его всем своим содержанием не только подрывала представление о Пушкине как о стороннике теории «бессознательного» творчества, но и существенно корректировала взгляд Белинского на Пушкина как на поэта, руководящим, верховным законом мысли и творчества которого было по преимуществу «художническое», «поэтическое» отношение к жизни и ее явлениям.

Уделив пристальное внимание стихотворениям Пушкина о свободе и не зависимости поэта и его высоком, «артистическом» призвании, Анненков впервые поставил вопрос о том,

что взгляды поэта на сложные отношения поэта и «толпы», получившие выражение в этих стихах, явились результатом осмысления Пушкиным его драматических отношений с правительством и современным поэту дворянством. Мучительно переживая разлад с окружающим обществом, непонимание публики, постоянные попытки правительств» Николая I и репрессивной, казенно-официальной прессы вмешиваться в его личную жизнь, подчинить своим корыстным целям его талант и вдохновенна, с одной стороны, а с другой, уступая порою своей порывистой и страстной натуре и в силу этого невольно становясь жертвой страстей и неблагоприятных обстоятельств, Пушкин – по Анненкову – был *вынужден* затвориться в своем рабочем кабинете; только здесь поэт мог обрести на время свободу, успокоение и внутреннее просветление, которых не мог найти за его пределами. Истолкованные таким образом стихи Пушкина о поэте и поэзии получили в устах его биографа очевидное социально-критическое звучание, предстали как отражение трагической исторической судьбы Пушкина – поэта и человека.

Первый оценив по достоинству рабочие тетради Пушкина, Анненков не случайно отвел в «Материалах» особое место описанию и характеристике этих тетрадей. Ибо творческая жизнь Пушкина в отражении его рабочих тетрадей с пестрой сменой в них автобиографических признаний, творческих набросков и рисунков поэта предстала перед Анненковым как жизнь постоянной, ни на минуту не прекращавшейся работы живой, энергичной мысли Пушкина, а его великие, гармонически художественные творения – как продукт огромного, тщательно обдуманного труда. Изучение рабочих тетрадей Пушкина, его черновиков, творческих планов, исторических и автобиографических набросков, литературно-критических статей и фрагментов – частично неопубликованных, а частично, хотя и напечатанных при жизни, но не вошедших в первое издание его сочинений и недооцененных предшественниками Анненкова – «Истории Петра», пушкинских писем позволили Анненкову нарисовать в «Материалах» совершенно новый, иной образ поэта, чем тот, который был привычен для большинства дворянских читателей и светских знакомых Пушкина, перед которыми он сознательно не хотел раскрывать свою драматическую, богатую и сложную внутреннюю жизнь.

В результате внешний биографический материал хотя и занял в «Материалах» свое, надлежащее место, но не стал для автора важнейшим. На первое место в общей картине, нарисованной биографом, выдвинулась *внутренняя творческая биография Пушкина*, воссоздание динамики его творческого процесса, путь развития и углубления его исторической и художественной мысли, картина постоянного, сложного взаимодействия между мыслью Пушкина и окружающей действительностью.

Пушкин предстал в изображении Анненкова как художник-мыслитель, вся внутренняя жизнь и творческая работа которого были неотделимы от реальной жизни и событий его времени. Исследуя черновики поэта и прослеживая по ним основные вехи творческой истории «Бориса Годунова», «Евгения Онегина», «Путешествия в Арзрум», «Тазита», «Медного всадника» и других произведений Пушкина, Анненков постарался не только показать внутреннюю эволюцию каждого из этих пушкинских замыслов, но и нащупать тот внутренний центр, который скреплял воедино отдельные разрозненные звенья жизни и творческой биографии поэта. Жизнь Пушкина впервые оказалась показанной в «Материалах» в сложном единстве семейно-родового и личного, исторически обусловленного и психологически-индивидуального, общего и особенного. Лики Пушкина – человека, поэта, истерика, критика, полемиста, черты его житейского и литературного облика влились в единый, цельный портрет, заняли в книге свое место, не нарушая гармонии общего впечатления. Существенную помощь в этом Анненкову оказало широкое обращение к пушкинским письмам, к дошедшим до нас фрагментам уничтоженных «Записок» и другим автобиографическим наброскам поэта, а также введение произведений Пушкина в контекст историко-литературных, моральных и эстетических суждений, разбросанных в его статьях и черновиках.

«Не надо забывать, однако ж, – замечает Анненков, ограничивая значение высказанной им же самим только что мысли об отражении идей художественного «артистизма» в творческих декларациях Пушкина, – что все отвлеченное и неприложимое к жизни в теории исправлено было практическим смыслом самого поэта, который никогда не смог отделиться от исторического и практического быта родины, от окружающих явлений природы и никогда не мог уйти в самого себя до того, чтоб случайные, местные явления не тревожили его сердца и не пробуждали его вдохновения». Мысль, выраженная в этих словах, стала на деле определяющей для общего смысла истолкования Анненковым образа Пушкина – человека и поэта – вопреки предрассудкам, свойственным Анненкову как представителю «эстетической критики» 50-х годов.

Отсюда и ряд других, немаловажных акцентов, впервые внесенных Анненковым в истолкование Пушкина и составлявших шаг вперед по сравнению с оценкой ряда сторон его творчества в статьях Белинского. Так Анненков, в отличие от Белинского, высоко оценил «Сказки» Пушкина, отметив общее – огромное – воздействие на поэта в зрелые годы элементов народного мировоззрения, «гениальное» проникновение его в дух русского народного творчества, умение «голосом великого мастера» пропеть русскую деревенскую песню, возвысив ее до уровня высочайшего художественного совершенства, воссоздать самые «склад и течение» народной речи. Существенный шаг вперед Анненков сделал и в истолковании прозы Пушкина. Правда, в «Повестях Белкина» Анненков оценил не столько их содержание, сколько «нежность красок», «тонкую иронию, лукавый и вместе добродушный юмор», «простоту языка и средств, употребляемых автором для сцепления и развития происшествий». Но уже в «Истории села Горюхина» он увидел признаки поворота поэта «к простой действительности и к быту», «истинное сочувствие» к ним, предвещающее последующие его прозаические произведения с их богатым культурно-психологическим и социальным содержанием. Трагедию «Борис Годунов» Анненков справедливо истолковал как то «зерно, из которого выросли исторические и большая часть литературных убеждений поэта», как решающий рубеж на пути его возмужания, обретения им полной творческой зрелости и самостоятельности. Работа над «Борисом Годуновым» явилась, по Анненкову, первым, исходным шагом движения Пушкина, приближавшего его к широкому, эпическому постижению прошлого и настоящего русской жизни. Оно получило выражение в усилившемся у Пушкина в 30-е годы тяготением к эпосу, к широте и масштабности осмысления действительности, в обращении к религиозно-легендарным и философско-историческим образам и темам.

Анненков систематизировал в «Материалах» рассказ о предках поэта – Пушкиных и Ганнибалах – и очертил ту роль, какую воспоминания об их славных заслугах перед родиной играли в формировании общественно-исторического мировоззрения поэта. Личность матери, отца и дяди поэта, черты его семьи и воспитания выступили ярко в его рассказе со своими живыми, неповторимыми красками. Стремясь уже на первых страницах своей книги показать, какими глубокими и прочными нитями личность поэта была связана с миром русской народной культуры, Анненков уделяет особое внимание няне Пушкина, как живой посреднице между ним и национально-народной культурой во всем богатстве ее разнообразных отражений. Относя Арину Родионовну к «типическим и благороднейшим лицам русского мира», биограф пишет о ней и влиянии ее на поэта: «Соединение добродушия и ворчливости, нежного расположения к молодости с притворной строгостью, – оставили в сердце Пушкина неизгладимое воспоминание. Он любил ее родственною, неизменною любовью и, в годы возмужалости и славы, беседовал с нею по целым часам <...> Весь сказочный русский мир был ей известен как нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, при сказки не сходили у ней с языка. Большую часть народных былин и песен, которых Пушкин так много знал, слышал он от Арины Родионовны. Можно сказать с уверенностью, что он обязан своей няне первым знакомством с источниками народной поэзии и впечатлениями ее <...>».

Отмечает Анненков и другой важный фактор, способствовавший уже в детские годы пробуждению у Пушкина интереса к русской народной жизни и культуре, – впечатления летней жизни семейства Пушкиных в селе Захарове, где будущий поэт слышал народные песни, наблюдал хоромы и пляски и впервые познакомился с историческими преданиями о Борисе Годунове: «Таким образом, – замечает по этому поводу биограф, – мы встречаемся, еще в детстве Пушкина, с предметами, которые впоследствии оживлены были его гением».

Изображая на дальнейших страницах личность поэта в ее постоянном движении и развитии, Анненков впервые органически связал каждый из этапов творчества поэта с определенным периодом его биографии. Родительский дом, лицей, пребывание на Кавказе, в Крыму, в Кишиневе, в Одессе, годы, проведенные в глубоком творческом уединении в Михайловском, возвращение в Москву и Петербург, поездки поэта в Арзрум и Оренбург, болдинская осень стали в изображении Анненкова важнейшими вехами не только жизни, но и внутренней творческой биографии поэта. Биографу удалось выпукло и ярко показать, характеризуя каждый из периодов жизни Пушкина, какое влияние конкретные неповторимые особенности местной природно-географической среды и культурной обстановки, окружавшей поэта в этот период, имели на тематику, сюжеты и образную ткань его произведений, на направление и характер движения его поэтической мысли. Тем самым Анненков заложил основы той биографической периодизации творчества Пушкина, которой мы пользуемся до сих пор.

Широко показал Анненков роль мировой культуры, литературы, искусства в жизни Пушкина: «...с девятого года начала развиваться у него страсть к чтению, которая и не покидала его во всю жизнь. Он прочел, как водится, сперва Плутарха, потом Илиаду и Одиссею, в переводе Битобе, потом приступил к библиотеке своего отца, которая наполнена была французскими классиками XVII века и произведениями философов последующего столетия <...> Он проводил бессонные ночи, тайком забираясь в кабинет отца и без разбора пожирал все книги, попадавшие ему под руку». И в дальнейшем биограф тщательно прослеживает, как каждый период жизни и творчества поэта был связан с вовлечением в орбиту его размышлений и художественных интересов новых общественно-исторических, культурных и литературных явлений, закономерную смену его художественных вкусов и интересов под влиянием духовного возмужания поэта, углубления и расширения его умственного кругозора.

Открывая обзор поэзии Пушкина его первыми полудетскими опытами, Анненков внимательно и серьезно прослеживает весь ход его творческого развития вплоть до последних произведений и незавершенных замыслов. При этом каждое отдельное произведение он стремится одновременно вписать в рамки определенного периода творчества поэта и рассмотреть в перспективе его общего развития. Особое внимание биограф уделяет вопросу о формировании творческой индивидуальности Пушкина. Он показывает, что постоянный рост художественной самобытности, углубление народности пушкинского творчества было его своеобразной художественной доминантой, основным, определяющим законом.

Прекрасно понял Анненков, что поэзия была для Пушкина страстью, свободным, органическим проявлением его натуры, делом, без которого он бы не мог жить и дышать. «Звуки, по собственному его выражению, – замечает по этому поводу Анненков, – беспрестанно переливались и жили в нем, но следует прибавить, что он внимательно прислушивался к ним, что он наслаждался ими почти без перерыва. Это было важное дело его жизни, несмотря на все усилия его скрыть тайну свою от света и уверить других в равнодушии к поэтической своей способности».

Анализируя произведения поэта, Анненков на многочисленных примерах показал любовь Пушкина к ясности и отчетливости мысли и выражения, его стремление избегать всего бесформенного и неопределенного.

«Пушкин был мужествен во всех чувствах своих. Он так же мало способен был к нежничанью и к игре с ощущениями, как, наоборот, легко подчинялся настоящей страсти. Мы

знаем, что он советовал людям, близкий его сердцу, скорее отделяться от неопределенных томлений души, выходить на прямую дорогу и назначать цель своим стремлениям. То же требование бодрости и силы, которое присуще было ему по натуре, перенес он и на самый язык впоследствии» – этими прекрасными словами Анненков охарактеризовал общий, господствующий пафос поэзии Пушкина.

Широко освещая открытость души Пушкина «всем впечатлениям бытия», говоря о внимательном изучении им поэтов других времен и народов, Анненков подчеркивает, что поэты, которых он изучал и влияние которых испытал, были для Пушкина «ступенями, по которым он восходил к полному проявлению своего гения». На примере сцены Григория и Пимена из «Бориса Годунова» (которую Анненков называет «гениальной сценой, плодом глубокого размышления и неослабного поэтического вдохновения»), Анненков стремится показать, что поэзия Пушкина «есть столько же наше достояние, сколько и достояние литератур всех образованных народов».

Наряду с народной поэзией, постоянным предметом любви и внимательного изучения Пушкина, подчеркивает биограф, – особенно в последние годы жизни – был русский язык – «народные пословицы, фразы и термины старой нашей литературы». «Заметки, мысли, сообщения, выписки из сочинений были невидимым основанием, на котором созидались и образ его мыслей, и понимание предметов, и само направление духа, направляющее поэтический дар его».

Живое понимание глубокой уникальности поэзии Пушкина, ее значения как нормы национального русского искусства сочетается в книге Анненкова со стремлением раскрыть для читателя как биографический подтекст произведений поэта – те «тонкие нити», которые связывают их с «воспоминаниями сердца», с «душой» самого автора, – так и их историко-литературную подпочву, а также восприятие его современниками.

Анненкову удалось также тонко передать многие черты человеческого облика поэта – его внешнюю простоту, общительность, благородное прямодушие, свойственную ему постоянно потребность в дружеском общении и откровенности, полное отсутствие зависти к таланту других, внимательное и отзывчивое отношение к современникам и младшим товарищам по перу: «В обхождении Пушкина была какая-то удивительная простота, выпрямлявшая человека и с первого раза устанавливавшая самые благородные отношения между собеседниками». Способность Пушкина радоваться чужому дарованию, его внимательное отношение к младшим, начинающим писателям-современникам Анненков иллюстрирует на примере его отношения к Дельвигу, Баратынскому, Языкову, Кольцову, Гоголю.

Умение воссоздать живой образ Пушкина – поэта и человека – в его неповторимом обаянии, показать богатство и разнообразие предметов, постоянно занимавших его мысль, свойственную этой мысли кипучую энергию, щедрость и богатство натуры поэта – все эти особенности анненковских «Материалов» обеспечили им сочувственное внимание современников²³.

²³ Оценку места анненковских «Материалов» в истории пушкиноведения см. также в кн.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М. – Л., 1986 (см. по указателю имен)

5

«Материалы для биографии А.С. Пушкина», составившие первый том анненковского издания сочинений поэта, вышли в свет (так же, как и второй том этого издания) в начале 1855 года, незадолго до смерти Николая I. Таким образом, писалась и цензуровалась книга Анненкова при жизни Николая (который – и это прекрасно понимал Анненков – отнюдь не был склонен допустить в ней ничего, что – так или иначе – затрагивало бы вопрос о социально-историческом драматизме писательской судьбы Пушкина, о его связях с декабристами; его сложных взаимоотношениях с Александром I, как и с самим Николаем и другими лицами царской фамилии). К тому же официальное положение мужа вдовы Пушкина – П.П. Ланского и брата Анненкова Ивана Васильевича связывало биографа и накладывало на него дополнительные нравственные обязательства, с которыми он вынужден был считаться. Наконец, жива была сама Наталья Николаевна Пушкина-Ланская, а потому Анненков не мог в своей биографии хотя бы кратко коснуться семейной драмы Пушкина, истории его взаимоотношений с Дантесом и Геккереном и вообще всех обстоятельств, которые привели к последней дуэли Пушкина. Запретными оставались для Анненкова и темы преследования Пушкина Воронцовым, Уваровым, Бенкендорфом, как и все те бесчисленные унижения, которым Пушкин постоянно подвергался в последние годы жизни. Как свидетельствует внимательное изучение «Материалов для биографии А.С. Пушкина», Анненков, по-видимому, не мог назвать в них прямо даже имя Булгарина как литературного врага Пушкина и предмета язвительных насмешек поэта, хотя и имя Булгарина и история журнальной полемики его с Пушкиным и лицами пушкинского окружения были хороша известны не только самому Анненкову, но и его читателям.

Вот почему Анненков неизбежно должен был с самого начала своей работы над «Материалами» сознательно ограничить свои задачи и подвергнуть излагаемые в них факты биографии Пушкина строжайшей автоцензуре. В «Материалах» не только ничего не говорится о причинах южной ссылки Пушкина, как и его высылки из Одессы в Михайловское, – в них не употребляется по отношению к соответствующим периодам жизни поэта самое слово «ссылка». Не названы в биографии имена таких лицейских товарищей Пушкина, как Пущин и Кюхельбекер, равно как имя такого широко популярного и любимого лицеистами профессора, как А.П. Куницын, обойдено молчанием имя хозяина Каменки – Давыдова; письма Пушкина к К.Ф. Рылееву и А. А. Бестужеву цитируются без указания адресатов, отсутствует рассказ о «Вольности», «Деревне», «Кинжале», послании Чаадаеву и других памятниках ранней, вольнолюбивой лирики Пушкина, равно как и о «Гавриилиаде», многих пушкинских эпиграммах и даже о таких позднейших стихотворениях, как элегия «Андре Шенье»²⁴, «Пророк», «Анчар», «Арион», «Послание в Сибирь» и т. д., анализ которых – так или иначе – должен был бы неминуемо увлечь автора на путь рассказа о тех событиях и обстоятельствах жизни поэта, о которых он сознательно вынужден был умалчивать. Более того, Анненков принужден был придерживаться официальной версии о снисходительном «добродушии» правительства к Пушкину и личной «заботливости» о нем Николая.

Вспоминая о цензурной обстановке начала 50-х годов, когда создавались «Материалы», Анненков позднее писал: «...составитель их знал, при какой обстановке и в каких условиях он работает, и мог принимать меры для ограждения себя от непосредственного влияния враждебных сил. Оно так и было. Нетрудно указать теперь на многие места его биографического и библиографического труда, где видимо отражается страх за будущность своих исследований

²⁴ Хотя о самом Шенье и интересе к нему Пушкина в «Материалах» говорится неоднократно

и где бросаются в глаза усилия предупредить и отвратить толкования и заключения подозрительности и напускного воображения от его выводов и сообщений»²⁵.

О том, что Анненков сознательно стремился в биографии обойти все та обстоятельства и факты жизни поэта, которые, как он предвидел, могли помешать цензурному прохождению «Материалов», свидетельствуют и другие материалы, в том числе признание его в письме к М.П. Погодину от 12 февраля 1855 года:

«Что в молодости и кончине есть пропуски – не удивляйтесь. Многое из того, что уже напечатано и известно публике, не вошло и отдано в жертву для того, чтобы, по крайней мере, внутреннюю, творческую жизнь поэта сберечь всю целиком»²⁶.

Особенное беспокойство вызывал у Анненкова материал, относящийся к последнему периоду жизни Пушкина и к тем трагическим обстоятельствам его общественной и личной судьбы, которые подготовили его гибель:

«Третий месяц живу один-одинешенек в деревне и недоумеваю, что делать, – писал он 12(24) октября 1852 года об этом И.С. Тургеневу, с которым постоянно консультировался в ходе своей работы. – <...> Он (Пушкин. – Г.Ф.) в столице, он женат, он уважаем – и потом вдруг он убит. Сказать нечего, а сказать следовало бы, да ничего в голову не лезет. И так, и сяк обходишь, а в результате выходит одно: издавал «Современник» и участвовал в «Библиотеке». Из чего было хлопотать и в трубы трубить? Совестно делается ... Есть кое-какие факты, но плавают они в пошлости. Только и ожидаю одной награды от порядочных людей, что заметят, что не убоился последней. Вот Вам исповедь моя – и верьте – бесхитростная...»²⁷.

«Я понимаю, – отвечал на это признание Анненкову из Спасского Тургенев 28 октября (9 ноября) 1852 года, – как Вам должно быть тяжело так дописывать биографию Пушкина – но что же делать? Истинная биография исторического человека у нас еще не скоро возможна, не говоря уже с точки зрения цензуры, но даже с точки зрения так называемых приличий. Я бы на Вашем месте кончил ее ex abrupto – поместил бы, пожалуй, рассказ Жуковского о смерти Пушкина, и только. Лучше отбить статуе ноги, чем сделать крошечные не по росту. А сколько я мог судить, торс у Вас выйдет отличный. Желал бы я, говорю это откровенно, так же счастливо переменить свою манеру (в том же письме Тургенева содержатся выше его знаменитые слова о желании отказаться в писательстве от своей «старой манеры». – Г.Ф.), как Вы в своей биографии. Вероятно, под влиянием великого, истинно древнего по своей строгой и юной красоте пушкинского духа Вы написали славную, умную, теплую и простую вещь. Мне очень хочется дослушать ее до конца»²⁸.

Анненков почти буквально последовал совету Тургенева. Посвятив рассказу о последних годах и днях жизни поэта всего несколько беглых страниц, он в приложении перепечатал два уже одобренных цензурой и напечатанных ранее повествования о дуэли и смерти Пушкина – «Последние минуты Пушкина, описанные В.А. Жуковским, в 1837 г.» (приложение IV) и «Выписку из биографии А.С. Пушкина», составленную историком Д.Н. Бантыш-Каменским и помещенную в его «Прибавлении ко второй части Словаря знаменитых россиян» (СПб., 1847, с. 99–104) (приложение V). Оба эти документа содержали официально одобренный рассказ о предсмертном «прощении» Пушкина Николаем I и о трогательных словах и заверениях, будто бы обращенных к нему умирающим поэтом. Отнесение этих сообщений в приложения и всего лишь краткий пересказ их в самом тексте «Материалов для биографии А.С. Пушкина», сконцентрированный в одном абзаце, указывают на то, что Анненков, как Лермонтов, знал о враждебных отношениях между поэтом и двором в конце жизни Пушкина. Это убеждение, при всей

²⁵ П.В. Анненков и его друзья, т. I. СПб., 1892, с. 387

²⁶ Барсуков Н.П. Жизнь и труды Погодина, т. XIV. СПб., 1980, с. 170

²⁷ Цит. по кн.: Модзалевский Б.Л. Пушкин. Л., 1929, с. 292. Письмо в архиве ИРЛИ (ф. 7, № 7, л. 1–3, об.). Полностью не опубликовано

²⁸ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Письма, Т. II, М. – Л., 1961, с. 78–79

свойственной ему осторожности и уклончивости, Анненков все же достаточно определенно выразил в своих позднейших трудах о Пушкине, написанных в 70-е годы. Но и в этих работах Анненков не исчерпал накопленный им огромный, ценнейший свод биографических записей и мемуарных материалов о поэте. Собранные им записи и воспоминания продолжали печататься на протяжении всего периода с последних двух десятилетий XIX века вплоть до наших дней.

В охарактеризованных нами сложнейших цензурных условиях в конце июля 1853 года Анненков закончил литературную обработку биографии Пушкина, а в сентябре того же года завершил подготовку пяти томов собрания его сочинений. В октябре 1853 года шесть томов анненковского издания были переданы Цензурным комитетом известному особой строгостью цензору А.И. Фрейгангу, который со своими замечаниями передал их в министерство народного просвещения, откуда все эти материалы были направлены начальнику III Отделения, шефу николаевских жандармов А.Ф. Орлову. П.В. Анненков со своей стороны передал в главное управление цензуры тщательно обоснованные возражения против многочисленных купюр в текстах биографии и сочинений Пушкина, на которых настаивал Фрейганг²⁹. 27 января 1854 года Орлов наложил на эти документы резолюцию, что новое, исправленное издание сочинений Пушкина хотя и может быть допущено, но лишь «с высочайшего соизволения». 26 марта и 7 мая цензура дополнительно рассмотрела добавления и поправки к биографии Пушкина, представленные Анненковым на особое рассмотрение. В последующие месяцы Николай I, по-видимому, лично пожелал ознакомиться с анненковским изданием и «Материалами для биографии А.С. Пушкина». Лишь после этого 7 октября последовало его разрешение на новое издание сочинений Пушкина (включая его биографию): «Согласен, но в точности исполнить, не дозволяя отнюдь неуместных замечаний или прибавок редактора»³⁰.

Следует отметить, что не только тяжелые условия николаевской цензуры стесняли Анненкова во время его работы. Среди знакомых Пушкина были лица, которые считали «неудобным» и даже категорически недопустимым полное издание написанного поэтом. Яркое свидетельство тому – дошедшие до нас два письма С.А. Соболевского к М.П. Погодину и к М.Н. Лонгинову. В первом из них от 15(27) января 1852 года Соболевский заявлял, что с Анненковым «следует быть осторожнее и скромнее, ибо ведаю, коль неприятно было бы Пушкину, если бы кто сообщил современникам то, что писалось для немногих или что говорилось или не обдумавшись, или для острого словца, или в минуту негодования в кругу хороших приятелей»³¹. Во втором письме Соболевский, уже по выходе «Материалов», особо одобрял их автора «за то, что он не восхищается эпиграммами Пушкина, приписывает их слабости, сродной со всем человеческим, и признает их пятнами его литературной славы», а также «ни слова не упоминает о Гавриилиаде»³². Впрочем, в том же письме Соболевский указывал, что особая щекотливость положения Анненкова состояла в том, что он не только должен был избегать всего интимного, но более того – для угождения цензуре – «решиться сказать несколько глупостей в виде пачпорта истине»³³.

Только учитывая все те стеснения и трудности, с которыми пришлось столкнуться Анненкову-биографу, мы можем верно оценить его огромный, поистине незаурядный труд и нравственное мужество. Несмотря на крайне тяжелые цензурные условия и вынужденные ими уступки, Анненков все же смог впервые дать русскому читателю в «Материалах» живое представление не только о Пушкине-поэте, но и о Пушкине-человеке.

²⁹ См. об этом статью Анненкова «Любопытная тяжба» (в кн.: П.В. Анненков и его друзья, с. 393–424)

³⁰ Цит. по кн.: Модзалевский Б.Л. Пушкин, с. 303

³¹ Цит. по кн.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды Погодина, т. XI. СПб., 1897, с. 315

³² Цит. по кн.: Пушкин и его современники, т. VIII, вып. 31–22. Л., 1927, с. 39

³³ Цит. по кн.: Пушкин и его современники, т. VIII, вып. 31–32. Л., 1827, с. 39

Анненков не скрывает того, что избранный Пушкиным путь смелого творческого служения русской литературе и русскому народу не был легок. «Как человек, открывший новый и обширный горизонт искусства на Руси, – замечает он о поэте, – он должен был поднять против себя много возражений и вражды и считать их естественным следствием, необходимостью своего призвания; но они волновали и сердили его. Только с 1832 года видит он свое место и назначение, умолкает для всех толков и распрей; но уже от горького чувства, оставленного ему журналистикой и пересудами публики, избавиться не может. Чувство это таится в нем, несмотря на молчание и наружное спокойствие, которым он обрек себя». И вместе с тем непонимание и вражда дворянского общества и укоры рептической прессы, – и это особенно подчеркивает биограф, – не смущали Пушкина и не заставили его свернуть с раз избранного пути: «Он не терпел постороннего вмешательства в дела творчества», «никак не мог понять, а еще менее допустить права распоряжаться его вдохновением, назначать предметы для труда и преследовать жизнь его таким образом до самых тайных ее помыслов и побуждений».

Через два года после выхода первых шести томов своего издания сочинений поэта Анненков, воспользовавшись смягчением цензурных условий, вырванным обществом у правительства Александра II в преддверии крестьянской реформы, выпустил в конце 1857 года дополнительный (седьмой) том «Сочинений Пушкина», куда вошли произведения, не пропущенные в 1855 году николаевской цензурой. А в 1874 году в книге «Пушкин в александровскую эпоху» Анненков возвратился к детству и юности поэта и к раннему периоду его творчества (которые он, по собственному вышеприведенному признанию, должен был в «Материалах» особенно жестко сократить), чтобы иметь возможность шире осветить вопрос о лицейских годах поэта, его столкновениях с Александром I и связях с декабристами. Следует, впрочем, заметить, что в освещении именно названных вопросов в книге «Пушкин в александровскую эпоху» – при всем обилии содержащегося в ней нового материала – особенно отчетливо сказалось усиление политического консерватизма Анненкова в 70-е и 80-е годы. Декабристские связи и симпатии Пушкина Анненков характеризует как проявление не столько стойких политических симпатий, сколько отчасти стремления выделиться из общей массы сверстников и заявить о себе, отчасти усвоенного Пушкиным уже в молодые годы представления о роли политически самостоятельной, независимой от престола аристократии, призванной ограничить бесконтрольность и всевластие самодержавной власти. Зато обращение Анненкова в преддверии столетнего юбилея со дня рождения Пушкина к последнему периоду его жизни, характеристику которого в «Материалах» он вынужден был сжать до предела, «обрубив», по вышеприведенному выражению Тургенева, «ноги» изваянной им статуе поэта, принесло две другие его пушкиноведческие работы, явившиеся достойным продолжением его «Материалов» – статьи «Общественные идеалы А.С. Пушкина (Об эволюции политических взглядов поэта и связи с ними его журнальных замыслов конца 20-х – начала 30-х гг.; 1880)» и «Литературные проекты А.С. Пушкина. Планы социального романа и фантастической драмы» (О замыслах романа «Русский Пелам» и драмы о папессе Иоанне; 1881)». В этих двух последних работах, завершивших путь Анненкова-пушкиниста, он отдал дань умственным и нравственным запросам новой эпохи, осветив в них место творчества Пушкина 30-х годов в истории формирования русского «реального» романа и развития русского общественного и национального самосознания в трудной обстановке первых лет царствования Николая I – в пору после поражения восстания декабристов, явившуюся в то же время начальным периодом выработки русским обществом новых антисамодержавных и антикрепостнических общественных сил и настроений.

6

В заключение надо сказать еще об одной особенности анненковской биографии: не все в Пушкине – человеке и поэте – было одинаково близко ее автору. Типичный представитель «эпохи 40-х годов» по своему умственному и нравственному складу, Анненков, как он сам многократно разъяснял, проводил резкую разделительную черту между Пушкиным-поэтом и Пушкиным-человеком»³⁴. Причем если Пушкин-поэт вызывал безусловное восхищение и преклонение Анненкова, то многие черты Пушкина-человека Анненкову были глубоко чужды. К таким чертам относятся близость Пушкина к декабризму и вообще его мятежные, непокорные, вольнолюбивые порывы, претивившие Анненкову – умеренному западнику и либералу-просветителю, а также сама «ренессансная» стихия личности Пушкина, свойственная ему глубокая жизнерадостность, страстность, чувственная откровенность, склонность к открытому, свободному проявлению своей натуры, могучая энергия выражения своих симпатий и антипатий, любви и ненависти без оглядки на принятые светские условности, на ходячую мораль и религиозные представления той эпохи. «Предприимчивое удалство и молодечество, – писал по этому поводу Анненков, – необыкновенная раздражительность, происходившая от ложного понимания своего достоинства и бывшая источником многих ссор; беззаботная растрата ума, времени и жизни на знакомства, похождения и связи всех родов – вот что составляло основной характер жизни Пушкина и всех его современников». Поэтому, определяя жизнь поэта как «полную контрастности», Анненков, при всем своем стремлении к полноте и объективности в изображении внутренней жизни поэта, ставил своей задачей очистить его образ от «проявлений раздраженного, буйного и скандального творчества», которые, по мнению биографа, нарушали «непогрешимую чистоту всех <...> мыслей и поэтических замыслов» Пушкина, ибо они «не выражают ни настоящей его природы, ни его развития, ни даже подлинного его настроения в минуту, когда писаны», но являются «детскими брожения и замашек его времени», «произведениями таланта, неверными самому себе»³⁵.

«Только <...> Пушкин, <...> который признан единственно воспитателем русского общества, мощным агентом его развития и объяснителем духовных сил, присущих народу, только этот нам и нужен, а о его двойнике нам достаточно общей характеристики <...> Важное поучение для современников наших несет с собою и этот, второй, побочный, так сказать, тип нашего поэта, если его изучать с надлежащей политической и этической точки зрения; но пенить его беседу наравне с тою, которая исходила от настоящего, великого Пушкина, мы уже не можем, а потому и ставить их рядом кажется нам более, чем ошибкой»³⁶.

И все же, при всех отмеченных недостатках биографической стороны книги Анненкова, достоинства ее, как верно поняли уже современники, значительно превышают ее недостатки.

Еще до выхода в свет анненковской биографии Пушкина некрасовский «Современник» писал о ней, приветствуя ее выход: «<...> к изданию приложена будет подробная биография Пушкина, богатая новыми и любопытными фактами, материалом для которой послужили бумаги самого поэта, письма о нем к разным лицам, записки о нем брата его Льва Сергеевича и других лиц, близких Пушкину. Имея в руках так изданного Пушкина, читая его биографию (которая одна составляет значительный том), где рядом с фактами жизни прослежены многие любопытные особенности его творчества, присматриваясь к почерку поэта, к его портрету, к рисункам, которые он иногда рисовал на полях своих рукописей (что все войдет в издание г. Анненкова), читатель получит возможность как бы перенестись в мастерскую великого поэта,

³⁴ П.В. Анненков и его друзья, с. 441

³⁵ П.В. Анненков и его друзья, с. 437–438, 440.

³⁶ Там же, с. 440–442.

из которой вышли бессмертные создания его гения. Вот какого издания «Сочинений Пушкина» давно и горячо желал «Современник»³⁷.

12 января 1855 года Н.А. Некрасов просил Анненкова: «Принесите мне завтра полный экземпляр биографии Пушкина, я начну о ней писать...»³⁸ Намерения этого Некрасов не выполнил. Но вместо его статьи в «Современнике» (1855, № 2, 4, 7 и 8) появились четыре обстоятельных статьи об издании Анненкова, принадлежащих перу Н.Г. Чернышевского и содержащих развернутое изложение взглядов Чернышевского на Пушкина, равно как и подробную критическую оценку заслуг Анненкова как редактора «Сочинения Пушкина» и биографа великого поэта. О «Материалах для биографии А.С. Пушкина» Чернышевский писал здесь: «Это первый труд, который надлежащим образом удовлетворяет столь сильно развившемуся в последнее время стремлению русской публики познакомиться с личностями деятелей русской литературы и образованности. Потребность эта уже вызвала довольно много монографий, отличающихся основательностью и подробностью библиографических и биографических исследований. Публика приняла эти первые опыты с живым сочувствием, но не могла не видеть в них важных недостатков. Как и всякое новое направление, стремление к подробным и точным исследованиям отечественной литературы было неумеренно в своих проявлениях. Каждая личность, почему-нибудь обращавшая на себя внимание трудолюбивых изыскателей, казалась им необыкновенно важною, заслуживающею самых подробных трактовок; каждый новый факт, ими отысканный, им казался чрезвычайно интересным для всей публики, как бы мелочен в сущности ни был. Потому все монографии, являвшиеся в последнее время, страдали важными недостатками и по содержанию и по форме. Растерявшись во множестве мелочных подробностей, каждый автор был не в силах обработать предмет с общей точки зрения и обременял свою статью бесчисленными библиографическими подробностями, среди которых утомленный читатель совершенно запутывался; вместо цельных трудов давались публике отрывки черновых работ, со всеми мелочными сличениями букв и стихов, среди которых или тонула, или принимала не свойственные ей размеры всякая общая мысль. Одним словом, вместо исследований о замечательных явлениях литературы представлялись публике отрывочные изыскания о маловажных фактах; вместо ученого труда в его окончательной форме представлялся весь необозримый для читателя процесс механической предварительной работы, которая только должна служить основанием для картины и выводов, из нее возникающих. Не такова биография Пушкина, которую будет читать русская публика при новом издании его творений. Она говорит не о какой-нибудь темной личности, которая привлекла внимание исследователя только потому, что была забыта, но забыта была только потому, что не заслуживала внимания потомства. Творения Пушкина, создавшие новую русскую литературу, образовавшие новую русскую публику, будут жить вечно, вместе с ними незабвенною навеки останется личность Пушкина. Важный труд, который знакомит нас с нею, представляется г. Анненковым в совершенно обработанной литературной форме. Кропотливая мелочная работа сличений и поисков, ему предшествовавшая, не выставляется на первом плане, затемняя для читателя черты великого писателя и его трудов; исследователь дает нам завершенную картину жизни и творчества Пушкина. Сличения годов, букв и отдельных стихов отнесены в примечания, если нужно для полноты; составитель биографии дал читателям не черновые свои бумаги, а жизнеописание, возведенное окончательною обработкою к форме литературного произведения. Его работа должна послужить для наших исследователей истории литературы образцом биографий»³⁹.

³⁷ «Современник», 1854, № 11, р. V, с. 120–121.

³⁸ Некрасов Н.А. Собр. соч. в 5-ти т., т. V. М. – Л. 1930, с. 198.

³⁹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 16-ти т., т. II. М., 1949, с. 427–428

Через два года Чернышевский повторил в печати свою высокую оценку «Материалов» в связи с появлением очерка Анненкова «Гоголь в Риме летом 1841 года» и начала его биографии Станкевича. Он писал: «Нельзя не желать, чтобы г. Анненков, который более, нежели кто-нибудь, имеет средств для обогащения нашей литературы такими трудами, как его «Материалы для биографии А.С. Пушкина», «Воспоминания о Гоголе» и биография Станкевича, неутомимо посвящал свои силы этой прекрасной деятельности, которая доставила ему уже столько прав на благодарность русской публики. После славы быть Пушкиным или Гоголем прочнейшая известность – быть историком таких людей»⁴⁰.

Собранные и изложенные Анненковым в «Материалах» фактические сведения послужили опорой для Чернышевского при составлении им в 1855 году биографического очерка «Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь и сочинения», написанного для русского юношества. На них же основывался и Н.А. Добролюбов при работе в 1858 году над статьей «Александр Сергеевич Пушкин», опубликованной в «Русском иллюстрированном альманахе» (СПб., 1868). Добролюбов поместил в первом номере «Современника» за 1858 год также обширную рецензию на седьмой (дополнительный) том анненковского собрания сочинений Пушкина, где высоко оценил заслуги Анненкова – издателя и биографа – перед русской литературой и обществом. «Русские, любившие Пушкина как часть своей родины, как одного из вождей ее просвещения, давно уже пламенно желали нового издания его сочинений, достойного его памяти, и встретили предприятие г. Анненкова с восхищением и благодарностью», – писал критик⁴¹ (хотя в целом к деятельности Анненкова-критика Добролюбов относился весьма сдержанно, а порой и прямо враждебно).

Кроме «Современника» с положительными рецензиями на «Материалы для биографии А.С. Пушкина» и анненковское издание сочинений поэта выступили и почти все другие русские журналы 50-х годов – «Отечественные записки» (отзыв В.П. Гаевского), «Библиотека для чтения» (статья А.В. Дружинина), «Атеней» (рецензия А.В. Станкевича), «Библиографические записки» (рецензия Е.И. Якушкина) и др. Сохранилось также много восторженных отзывов о «Материалах» в письмах к П.В. Анненкову и другим лицам, а также в личных дневниках первых их читателей в том числе отзывов С.Т. Аксакова, М.П. Погодина, зятя поэта Н.И. Павлищева, С.А. Соболевского, И.И. Пущина и других. Из них особенного внимания современного читателя заслуживают отзывы Н.И. Павлищева и И.И. Пущина. Первый из них в письме к Анненкову из Варшавы от 3(15) марта 1855 года писал:

«Я не мог оторваться от первого тома Вашего издания сочинений Пушкине; так удивительно сказание Ваше о жизни Пушкина под скромным названием материалов»⁴².

Лицейский друг Пушкина И.И. Пущин в 1858 году заметил в своих «Записках», что Анненков «запечатлел свой труд необыкновенною изысканностью, полным знанием дела и горячею любовью к Пушкину – поэту и человеку»⁴³. Вместе с тем в «Записках» Пущин, как отмечалось выше, стремился дополнить биографию Анненкова рассказом о политических взглядах поэта и о его связях с декабристским движением, доказывая, в противовес Анненкову, что связи эти были глубокими и органическими, а не преходящими и случайными, как утверждал Анненков.

Показателем высокой оценки анненковской биографии Пушкина современниками явился торжественный обед 17 февраля 1855 года, данный Анненкову его друзьями, на котором Анненкову поднесли экземпляр «Материалов для биографии А.С. Пушкина» в шагреновом переплете с надписью на первом листе: «Автору образцовой биографии Пушкина и доб-

⁴⁰ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 16-ти т., т. IV, М., 1948, с. 780.

⁴¹ Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 3-х т., т. I, М., 1950, с. 450

⁴² Цит. по кн.: Модзалевский Б.Л. Пушкин, с. 322

⁴³ Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 55

росовестному издателю сочинений великого нашего поэта – Павлу Васильевичу Анненкову – от его литературных друзей и знакомых». Под словами этими подписались И.С. Тургенев, И.И. Панаев, В.П. Боткин, Н.А. Некрасов, А.В. Дружинин, М.Л. Михайлов, М.В. Авдеев, А.Ф. Писемский, А.Н. Майков, Г.Н. Геннади, В.П. Гаевский, Е.Ф. Корш, М.А. Языков, А.Н. Жемчужников, А.К. Толстой, И.П. Арапетов, Н.В. Гербель, Я.П. Полонский.

Второе издание анненковского труда в 1873 году также имело немалый успех. В частности, в газете-журнале «Гражданин», которую в это время редактировал Ф.М. Достоевский, появилась обширная рецензия на него Н.Н. Страхова⁴⁴.

Позднее, в 1882 году, подводя в некрологе Анненкову итог его литературным заслугам, известный историк русской литературы А.Н. Пыпин писал о «Материалах для биографии А.С. Пушкина» и об анненковском издании Пушкина в целом: «Предприятие Анненкова было особенно ценно в обстоятельствах, среди которых жила тогда наша литература. Обстоятельства были очень малоблагоприятные. Окруженная тяжелым недоверием и подозрениями, литература едва хранила нить предания сороковых годов, и издание Пушкина приобрело цену нравственного обозрения; это было притом не только напоминание, но в значительной степени и реставрация писателя, который для критики сороковых годов (то есть для Белинского. – Г.Ф.) был величайшим явлением русской литературы и залогом ее будущего. Труд Анненкова был первый в своем роде опыт исследования внешней и внутренней биографии писателя, истории его содержания и способов творчества. Позднее, когда подобные изыскания установились и размножились вообще историко-литературный материал, нетрудно было указать недосмотры и ошибки в работе Анненкова; забывают только, что в подобных случаях чрезвычайно важно и особенно трудно бывает именно начало»⁴⁵.

Г.М. Фридлендер

⁴⁴ Авторство Страхова (рецензия ошибочно приписана Н.Ф. Бельчиковым Достоевскому) удостоверяется свидетельством самого Страхова в письме к Л.Н. Толстому от 15 апреля 1873 года (см.: Толстовский музей, т. II. СПб., 1914, с. 29)

⁴⁵ Вестник Европы, 1882, № 3, с. 303

Глава I^{46{719}{720}{721}{722}}

Предки и родственники. Эпоха рождения. 1799–1811 г.: Боярин Пушкин, Ганнибалы. – Отец и мать. – Няня Арина Родионовна. – Стихотворение «Подруга дней моих суровых...». – Захарово. Вязёмо. – Стихотворение «Мне видится мое селенье...». – Характер отца, С.Л. Пушкина. – Дядя В.Л. Пушкин. – Пьеса «Путешествие В.Л. Пушкина» и И.И. Дмитриев.

Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве, в 1799 году, мая 26, в четверг, в день Вознесения Господня, на Молчановке^[1].

Мать его, как известно, была из фамилии Ганнибаловых. Общие черты родословной Пушкиных и Ганнибаловых переданы были самим Александром Сергеевичем в его «Записках»^[2]. К ним можно только прибавить несколько заметок. Из всех своих предков, Пушкиных, Александр Сергеевич особенно уважал боярина Григория Гавриловича Пушкина, служившего при царе Алексее Михайловиче послом в Польше, с титулом Нижегородского наместника, и скончавшегося в 1656 году^[3]. Александр Сергеевич происходил от него по прямой линии и в честь его дал меньшому своему сыну имя Григория. Из предков своих, Ганнибаловых, А.С. Пушкин часто упоминает о родоначальнике этой фамилии, негре Абраме Петровиче. Мы увидим также, что Пушкин посвятил несколько превосходных лирических строф памяти его знаменитого сына, генерал-поручика Ивана Абрамовича Ганнибала, славного основанием Херсона, где ему воздвигнут и памятник, и первую Наваринскую битвою, в которой он был участником и героем. Этот Ганнибал, умерший в С.-Петербурге в начале нынешнего столетия, играл важную роль в своем семействе. Он был благодетелем бабушки Александра Сергеевича, Марьи Алексеевны Ганнибал, урожденной Пушкиной, в ту тяжелую и романтическую эпоху ее жизни, когда муж ее, Осип Абрамович Ганнибал еще при жизни ее женился на Устинье Ермолаевне Т<олст>ой, подделав фальшивое свидетельство о смерти законной жены своей^{47{723}}. Марья Алексеевна нашла себе защитника в брате своего мужа, Иване Абрамовиче. Его влиянием расторгнут был незаконный брак, отдана ей малолетняя дочь, Надежда Осиповна, мать нашего поэта, и предоставлено во владение одно из родовых сел мужа – Кобрин^{48{724}}, в 60 вер-

⁴⁶ Материалы, представляемые теперь публике, преимущественно извлечены из бумаг поэта, а за сообщение некоторых подробностей о жизни его, которые вообще так трудно добываются у нас, приносим здесь искреннюю благодарность родственникам, друзьям и знакомым поэта, благоволившим передать нам свои воспоминания. При самом начале труда нашего покойный Лев Сергеевич Пушкин, Н.И. Павлищев и покойный Павел Александрович Катенин составили для настоящего издания и по нашей просьбе три записки; первый о жизни поэта до приезда его в Москву в 1826 г.^[719], второй о детстве Пушкина (со слов родной сестры его О.С. Павлищевой)^[720], третий вообще о своем знакомстве с ним^[721]. Записки эти, писанные собственной рукой авторов, находятся у составителя материалов, и многочисленные отрывки из них приведены им в тексте. Две из этих записок отчасти уже знакомы читателям: первая была опубликована вполне, а вторая в отрывках^[722], вероятно с копий, предоставленных авторами лицам, сообщившим их публике.

^[719] Биографическое известие об А.С. Пушкине до 1826 года. (Впервые: Мс, 1853, ч. III, № 10. См. также: П. в восп., т. I, с. 58–65.)

^[720] Воспоминания о детстве А.С. Пушкина (см.: П. в восп., т. I, с. 47–57). Анненков использовал также устные рассказы Ольги Сергеевны (запись одного из них см.: Модзалевский, с. 372–373).

^[721] Воспоминания о Пушкине (см.: П. в восп., т. I, с. 183–193).

^[722] Речь идет о публикации П.И. Бартенева «А.С. Пушкин. Материалы для его биографии» (Московские ведомости, 1854, № 71). (Историю этой публикации см.: Модзалевский, с. 305–317.)

⁴⁷ Показание это, взятое из записки, сообщенной нам сестрой поэта через посредство супруга ее Н.И. Павлищева, противоречит со статьей о детстве Пушкина, напечатанной в журнале «Москвитянин» (1852, № 24), где сказано было, что Осип Абрамович только намеревался жениться на Устинье Ермолаевне^[723].

^[723] Имеется в виду статья Александра Юрьевича Пушкина (двоюродного дяди поэта по матери) «Для биографии Пушкина».

⁴⁸ Оба брата, Осип и Иван Абрамовичи, были соседи по деревням. Поместье второго, Суйды, находилось только в 5-ти верстах от Кобрина, где тогда числилось 100 душ. Третий брат, Петр Абрамович, переживший всех их и умерший с лишком девяноста лет от роду^[724], уже был лично известен Пушкину, как увидим ниже

стах от Петербурга. То самое село Михайловское, где и Александр Сергеевич провел два года уединенной жизни, назначено было постоянным местопребыванием его деду – Осипу Абрамовичу. Он умер там в 1806 году. Смерть соединила враждующих супругов на кладбище Святоторского Успенского монастыря, лежащего неподалеку от Михайловского, где также похоронен, как известно, и внук их. По близкому соседству с Петербургом, Марья Алексеевна Ганнибал, вместе с дочерью своею, часто посещала столицу. Отец поэта, Сергей Львович, служил тогда в Измайловском полку. Свадьба его и Надежды Осиповны, вероятно, происходила в Петербурге, потому что первенец их – дочь Ольга Сергеевна – родилась в 1798 году именно в то время, как Сергей Львович состоял еще на службе в Петербурге^[4]. Благодетель семьи и опекун Надежды Осиповны, генерал-поручик Иван Абрамович Ганнибал был тогда восприемником младенца. Он еще дожил до рождения Александра Сергеевича (смерть этого знаменитого моряка относится к 1800 году)^[5], но уже не видел его. В 1798 Сергей Львович вышел в отставку; в следующем 1799 Марья Алексеевна продала село Кобриню, и все семейство Пушкиных переехало в Москву, где на деньги, вырученные от продажи имения, Марья Алексеевна приобрела сельцо Захарьино, верстах в сорока от Москвы^[6]. 26 мая, как мы сказали, родился там поэт наш, и восприемником его был граф Артемий Иванович Воронцов. При продаже петербургского имения общая няня всех молодых Пушкиных, знаменитая Арина Родионовна, записанная по Кобрину, получила отпускную вместе с двумя сыновьями и двумя дочерьми, но никак не хотела воспользоваться вольною. При продаже Захарьино, или Захарова, как называл его просто сам Александр Сергеевич (1811 года), она отклонила предложение выкупить семейство одной из дочерей своих, Марьи, вышедшей замуж за крестьянина в Захарове, сказав: «Я сама была крестьянка, на что вольная!» Приставленная сперва к сестре поэта, потом к нему и, наконец, к брату его, Родионовна вынянчила все новое поколение этой семьи. В каких трогательных отношениях с нею находился второй из ее питомцев, прославивший ее имя на Руси, известно всякому.

Родионовна принадлежала к типическим и благороднейшим лицам русского мира. Соединение добродушия и ворчливости, нежного расположения к молодости с притворной строгостию оставили в сердце Пушкина неизгладимое воспоминание. Он любил ее родственною, неизменною любовью и, в годы возмужалости и славы, беседовал с нею по целым часам. Это объясняется еще и другим важным достоинством Арины Родионовны: весь сказочный русский мир был ей известен как нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у ней с языка. Большую часть народных былин и песен, которых Пушкин так много знал, слышал он от Арины Родионовны. Можно сказать с уверенностию, что он обязан своей няне первым знакомством с источниками народной поэзии и впечатлениями ее, которые, однако ж, как это вскоре увидим, были заметно ослаблены последующим воспитанием.

В числе писем к Пушкину, почти от всех знаменитостей русского общества, находятся и записки от старой няни, которые он берег наравне с первыми. Вот что писала она около 1826 года^[7]. Мысль и самая форма мысли видимо принадлежат Арине Родионовне, хотя она и позаимствовала руку для их изложения.

«Любезный мой друг Александр Сергеевич – я получила письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна – вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только, когда засну, забуду вас. Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское – всех лошадей на дорогу выставлю. Я вас буду ожидать и молить бога, чтобы он дал нам свидеться. Прощай, мой батюшко Александр Сергеевич. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебен отслужила – *поживи, дружечик, хорошенько, – самому слобится*. Я, слава богу,

^[724] П.А. Ганнибал родился в 1742 году, умер около 1825 года.

здорова – целую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая няня ваша Арина Родионовна (Тригорское, марта 6)».

Каким чудным ответом на это письмо служит неизданный отрывок Пушкина, который мы здесь приводим^[8]:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствие, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе.....

Почтенная старушка умерла в 1828 году, 70-ти лет, в доме питомицы своей, Ольги Сергеевны Павлицевой.

Другим путем к раннему сближению с народными обычаями и приемами могло служить само село Захарове, проданное в 1811 году, когда молодой Пушкин увезен был в С.-Петербург для определения в лицей. Семейство его, постоянно жившее в Москве с 1798, проводило лето в новой деревне Марьи Алексеевны. Зажиточные крестьяне Захарова не боялись веселиться; песни, хороводы и пляски пелись и плясались там часто. В двух верстах от Захарова находится богатое село Вязёмо. По неимению церкви, жители Захарова считаются прихожанами села Вязёмо, где похоронен брат Пушкина, Николай, умерший в 1807 году (род. в 1802)^[9], и куда Александр Сергеевич сам часто ездил к обедне. Село Вязёмо принадлежало Борису Годунову и сохраняет доселе память о нем. Там указывают еще на пруды, будто бы вырытые по его повелению, и на церковную колокольню, им построенную. Вероятно, молодому Пушкину часто говорили о прежнем царе – владельце села^[10]. Таким образом, мы встречаемся, еще в детстве Пушкина, с предметами, которые впоследствии оживлены были его гением. Пушкин вспоминал о Захарове на скамьях лицея и в одном из многочисленных легких посланий, там написанных, говорит:

Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами, в реке волнистой,
С постом и рощею тенистой,
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флера и Помона
Цветы с плодами мне дарят,
Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумят.

(Неизданное стихотворение)^[11]

Гораздо позднее, в 1831 году, перед женитьбою своей, Александр Сергеевич побывал в Захарове^[12] и, покуда Марья, дочь няни его, готовила ему сельский завтрак из яичницы, он обежал рощицу возле дома и все места, напоминавшие ему детство его. «Все наше рушилось, Марья, – сказал он по возвращении, – все поломали, все заросло...» Через два часа он уехал. Действительно, флигель, где жили дети прежнего помещика, уже был тогда за ветхостью разобран, и оставался один большой дом. Многие березки на берегу пруда порублены. Впрочем, еще недавно один путешественник⁴⁹⁽⁷²⁵⁾ видел там старую липу Пушкина; с этого пункта можно было наслаждаться прекрасным видом на пруд и на противоположный берег его, покрытый зеленым еловым лесом. Здесь кстати будет упомянуть, что все русские надписи на деревьях Захарова принадлежат старым или новым гостям его, но совсем не Александру Пушкину, по весьма простой причине: в ранней молодости он писал одни французские стихи, по примеру своего родителя и по духу самого воспитания.

Отец его, Сергей Львович Пушкин, был человек от природы добрый, но вспыльчивый. При малейшей жалобе гувернеров или гувернанток он сердился, выходил из себя, но гнев его проистекал от врожденного отвращения ко всему, что нарушало его спокойствие, и скоро проходил. Вообще, Сергей Львович не любил заниматься серьезными делами по дому, воспитанию и хозяйству, предоставив все это супруге своей, Надежде Осиповне; никогда не бывал он в дальних своих деревнях, как, например, в Болдине (Нижегородской губернии), предоставив имение в полное распоряжение управляющему, своему крепостному человеку, и отдавал все свое время только удовольствиям общества и наслаждениям городской жизни.

Некоторые черты врожденной его беспечности сохранены в семействе и переданы нам Н.И. Павлищевым. Записанный в малолетства в Измайловский полк, Сергей Львович был переведен потом, при государе Павле Петровиче, в гвардейский Егерский. Сергей Львович не мог отстать в службе от некоторых привычек, к числу которых принадлежала привычка сидеть у камелька с приятелями и мешать в нем огонь, причем раз Сергей Львович употребил на это собственную свою офицерскую трость и с ней же явился потом к должности. Начальник, заметив обгорелую трость, подошел к нему и сказал: «Уж вам бы, г. поручик, лучше явиться с кочергою на ученье!» Огорченный Сергей Львович жаловался потом супруге своей на тяжесть военной службы. Между прочим, он питал какое-то отвращение к перчаткам и почти всегда терял их или забывал дома; будучи однажды приглашен с другими товарищами своими на бал к высочайшему двору, он, по обыкновению, не позаботился об этой части своего туалета и оробел порядком, когда государь Павел Петрович, подойдя к нему, изволил спросить по-французски: «Отчего вы не танцуете?» – «Я потерял перчатки, ваше величество», – отвечал в смущении молодой офицер. Государь поспешно снял перчатки с своих собственных рук и, подавая их, сказал с улыбкою: «Вот вам мои!» – потом взял его под руку с ободрительным видом и, подводя к даме, прибавил: «А вот вам и дама!»

Оставив военную службу в 1798 году, Сергей Львович переселился в Москву и жил долгое время близ Немецкой слободы, у самой Яузы, не переходя моста. После Отечественной кампании он снова определился на службу и в 1814 г. начальствовал комиссариатскою комиссией Резервной армии в Варшаве. Г-н Б<ологовский>, назначенный на его место, рассказывал, что, принимая от него сложную должность, он застал Сергея Львовича в присутственном месте за французским романом вместо счетов и бумаг. Сергей Львович вышел в отставку с чином V класса^[13].

⁴⁹ Г. Макаро. – См. «Москвитянин» 1851 года, № 9 и 10⁽⁷²⁵⁾

^[725] Ошибка Анненкова: автором статьи, которую он имеет в виду, был Н.В. Берг (Н.Б. Сельцо Захарово. – Мс, 1851, № 9 и 10, с. 29–39).

С другой стороны, Сергей Львович, как и брат его, поэт Василий Львович, были душою общества, неистощимы в каламбурах, остротах и тонких шутках. Он любил многолюдные собрания, а брат его даже славился по Москве своим поваром, Власием, которого он называл Blaise и который в первую холеру умер в Охотном ряду, торговцем^[14]. Связи Сергея Львовича были довольно обширны. Через Пушкиных он был в родстве со всею этою фамилиею, а через Ганнибаловых с Ржевскими и их свойственниками – Бутурлиными, Черкасскими и проч. Он даже жил дом об дом с графом Дмитрием Петровичем Бутурлиным, и гости последнего были его гостями. В числе посетителей его были Карамзин, Батюшков, Дмитриев, и молодой Пушкин, который всегда внимательно прислушивался к их суждениям и разговорам, знал корифеев нашей словесности не по одним произведениям их, но и по живому слову, выражающему характер человека и западающему часто в юный ум невольно и неизгладимо.

Вместе со всем лучшим обществом Москвы, дом Сергея Львовича, как все избранные дома тогдашнего времени, был открыт для французских эмигрантов: новое средство развлечения, которого все искали. Между этими эмигрантами отличалось лицо графа Ксавье де Местра. Он уже напечатал тогда свое «Voyage autour de ma chambre»⁵⁰ и, в промежутках между литературными занятиями, любил посвящать свои досуги портретной живописи и откровенной беседе с друзьями. Портрет матери Пушкина, Надежды Осиповны, работы Местра находился долгое время у Льва Сергеевича Пушкина. Сам Сергей Львович был известен как остряк и человек необыкновенно находчивый в разговорах. Владея в совершенстве французским языком, он писал на нем стихи так легко, как француз, и дорожил этою способностью. Много альбомов, вероятно, сохранили его произведения; и есть слухи, что в это время он написал даже целую книжку, в которой рассуждал по-французски – стихами и прозой – о современной ему русской литературе. Чрезвычайно любезный в обществе, он торжествовал особенно в играх (jeux de société)⁵¹, требующих беглости ума и остроты, и был необходимым человеком при устройстве праздников, собраний и особенно домашних театров, на которых как он, так и брат Василий Львович отличались искусством игры и декламации⁵². В обществе Сергея Львовича находились также и две известные пианистки, блиставшие вместе с тем и талантом остроумной беседы: девица Першон де Муши и г-жа Шимановская^[15]. Первая вышла замуж за Фильда, вторая впоследствии сделалась тещей поэта М<ицкеви>ча.

Памятником веселости, оживлявшей это общество, осталась даже печатная книжка. Известно, что когда дядя нашего поэта, Василий Львович Пушкин, собирался ехать за границу, то И.И. Дмитриев предупредил, так сказать, весь будущий рассказ путешественника в стихотворной шутке под названием «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия»^[16]. Книжка эта, напечатанная только для друзей, в нескольких экземплярах, сделалась теперь библиографическою редкостью. Шутка И.И. Дмитриева особенно поражает соединением веселости, меткости и вместе благородства, что очень редко встречаем в наших печатных произведениях этого рода. За три дня до отъезда своего за границу Василий Львович обещал, на дружеском ужине, верно передать свои впечатления приятелям. И.И. Дмитриев возразил, что письма его всегда будут драгоценны для них, но что содержание корреспонденции почти уже известно. В подтверждение своих слов он сочинил «Путешествие», к которому приложил еще картинку, изображавшую будущего туриста в Париже, за уроком декламации

⁵⁰ «Путешествие по моей комнате» (франц.). – Ред.

⁵¹ Словесные игры (франц.). – Ред.

⁵² Н.И. Павлищев передал нам несколько образчиков его находчивости. «Quelle ressemblance y-a-t-il entre le soleil et vous, m-r Pouchkine?» – спросили его раз. «C'est qu'on ne saurait fixer l'un et l'autre sans faire la grimace», – отвечал он тотчас же. (Перевод: «В чем сходство между солнцем и вами, г. Пушкин?» – «В том, что нельзя без гримасы разглядывать нас обоих».) Многие из его возражений имели большой успех в обществе, как, напр., ответ дородной польской даме, спрашивавшей его: «Est-ce vrai, m-r Pouchkine, que vous autres Russes, vous êtes des antropophages: vous mangez de Tours?» – «Non, m-me, – отвечал он, – nous mangeons de la vache, comme vous» и проч. (Перевод: «Правда ли, г. Пушкин, что вы, русские, – антропофаги: вы едите медведей?» – «Нет, сударыня, мы едим коров, вроде вас».)

у Тальмы. Чрезвычайно остроумно и верно изображен там автор «Опасного соседа»^[17], с его жаждой новостей, слепым поклонением иностранным диковинкам, усвоением всех возможных мод и вместе неизменным добродушием и прямою сердцем. Вот начало этой книжки, которая может дать понятие о всем ее тоне:

Друзья! сестрицы! я в Париже,
Я начал жить, а не дышать!
Садитесь вы друг к другу ближе
Мой маленький журнал читать.
Я был в Музее^[18], в Пантеоне^[19],
У Бонапарте на поклоне,
Стоял близехонько к нему,
Не веря счастьем своему.
Вчера меня князь Долгоруков
Представил милой Рекамье,
Я видел корпус мамелюков^[20],
Сиеса, Вестриса, Мерсье... – и т. д.^{53{726}}

⁵³ Вот как А.С. Пушкин отзывался в 1834 году об этом малоизвестном произведении И.И. Дмитриева. Выписываем из его тетрадей: «Путешествие etc. Картинка изображает etc.». Эта книжка никогда не была в продаже, Несколько экземпляров розданы были приятелям автора, от которого имел я счастье получить и свой – чуть ли не последний. Я храню его как памятник благосклонности для меня драгоценной. «Путешествие etc.» есть веселая, незлобная шутка над одним из приятелей автора. Покойный В.Л. П. отправился в Париж, и его младенческий восторг подал повод к сочинению маленькой поэмы, в которой с удивительною точностию изображен весь В.Л. Это образец игривой легкости и живой шутки. Искренность драгоценна в поэте. Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души, и в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств, и в ювенальском негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа. Виноват: я бы отдал все, что было написано у нас в подражание лорду Байрону, за следующие (не) задумчивые и невесторженные стихи, в которых поэт заставляет героя своего восклицать к друзьям: ...» Стихи не были приложены к отзыву Пушкина⁽⁷²⁶⁾

⁽⁷²⁶⁾ Цитируемая заметка написана в 1836 году, в современных изданиях публикуется под названием «Путешествие В.Л.П.».

Глава II

Лицей. 1811–1817 г.: Детство и первое воспитание. – Страсть к чтению. – Домашний театр и французские стихи. – Лицей. – Кошанский, лицейские журналы, Дельвиг. – Рассказы. – План автобиографии. – Отрывок из лицейских записок. – Куплеты на Шаховского: «Вчера в торжественном венчанье...». – Роман «Фатеша». – Куплеты на учителей: «Скажите мне шаштицы...». – Первый опыт литературного характера по поводу Иконникова, – Конец записок. – Разбор лицейских стихотворений. – Подражание Батюшкову, первые печатные стихи «К другу стихотворцу». – Владимир Измайлов и лицейские поэты вообще. – Журналы, где помещались их произведения. – Лицейские стихотворения Пушкина в издании 1826 года. – Об изданиях его стихотворений 1826–1829 годов. Стихи Пушкина в альманахе В. Федорова. – Стихи Пушкина в альманахе М. Бестужева-Рюмина. – Толки и надежды современников; Дмитриев, гр. Хвостов, В. Пушкин. – Легкость в сочинении стихов, проблески таланта в первых опытах. – Значение лицейских стихотворений. – Характер юношеских произведений Пушкина, подражания, влияние Батюшкова. – Значение элегий 1816 года и развитие таланта к 1817 году. – Неизданные отрывки из «Онегина» о лицее (две первые строфы из 8-й главы). – Стихотворение «Наперсница волшебной старины...». – Выпуск из лицея. – Физическая организация поэта и его гимнастические упражнения.

Воспитание детей в семье Пушкиных ничем не отличалось от общепринятой тогда системы. Как во всех хороших домах того времени, им наняли гувернанток, учителей и подчинили их совершенно этим воспитателям с разных концов света.

До семилетнего возраста Александр Сергеевич Пушкин не предвещал ничего особенного; напротив, своею неповоротливостью, своею тучностью, робостью и отвращением к движению он приводил в отчаяние Надежду Осиповну, женщину умную, прекрасную собой, страстную к удовольствиям и рассеяниям общества, как и все окружающие ее, но имевшую в характере те черты, которые заставляют детей повиноваться и вернее действуют на них, чем мгновенный гнев и вспышки. Впрочем, она не могла скрыть предпочтительной любви сперва к дочери, а потом к меньшому сыну, да и на самое воспитание детей, кроме ее, гувернеров и гувернанток, имели влияние еще и две тетки Александра Сергеевича – Анна Львовна Пушкина и Елисавета Львовна, по муже Солнцева. Анна Львовна собирала в дому своем часто всех родных и умела вселять искренние привязанности к себе.

Муж Елисаветы Львовны, Матвей Михайлович Солнцев, был искренним другом Сергея Львовича, с которым мог состязаться в любезности, тонких шутках и французских каламбурах. Правильной системы воспитания тут уже не могло быть, и если существовало какое-либо единство, то разве в общем недоверии к характеру и способности молодого Александра Пушкина. Это обстоятельство, однако ж, имело впоследствии благотворное влияние на последнего. Не избалованный в детстве излишними угождениями, он легко переносил лишения и рано привык к мысли – искать опоры в самом себе. Надежда Осиповна заставляла маленького Пушкина бегать и играть с сверстниками, с трудом побеждая и лень его и молчаливость. Раз на прогулке он, не замеченный никем, отстал от общества и преспокойно уселся посреди улицы. Сидел он так до тех пор, пока не заметил, что из одного дома кто-то смотрит на него и смеется. «Ну, нечего скалить зубы!» – сказал он с досадой и отправился домой. Когда настоячивые требования быть поживее превосходили меру терпения ребенка, он убегал к бабушке, Марье Алексеевне Ганнибал, залезал в ее корзинку и долго смотрел на ее работу. В этом убежище уже никто не тревожил его. Марья Алексеевна была женщина замечательная, столько же по приключениям своей жизни, сколько по здравому смыслу и опытности. Она была первой наставницей Пушкина в русском языке. Барон Дельвиг еще в лицее приходил в восторг от ее письменного слога, от ее сильной, простой русской речи. К несчастью, мы не могли отыскать

ни малейшего образчика того безыскусственного и мужественного выражения, которым отличались ее письма и разговоры. Вторым русским учителем Пушкина, несколько позднее, был, по странному случаю, некто г. Шиллер. Впрочем, труды г. Шиллера не могли принести особенных плодов в это время, потому что маленький Пушкин и сестра его, воспитывавшиеся вместе, говорили, писали и твердили уроки из всех предметов по-французски.

Главным руководителем детей был сперва граф Монфор, образованный эмигрант, бывший в то же время музыкантом и живописцем; за ним г. Русло, писавший французские стихи; потом г. Шедель и другие. Настоящим, дельным наставником в русском языке, арифметике и в законе божием был у них почтенный священник Мариинского института Александр Иванович Беликов, известный своими проповедями и изданием «Духа Массильона» (1808)^[21]. Когда наняли англичанку (мисс Белли) для Ольги Сергеевны^[22], Пушкин учился по-английски, но плохо, а по-немецки и вовсе не учился. Была у них гувернантка немка, да и та почти никогда не говорила на своем родном языке. Вообще ученье подвигалось медленно.

Возлагая все свои надежды на память, молодой Пушкин повторял уроки за сестрой, когда ее спрашивали; ничего не знал, когда начинали экзамен с него; заливался слезами над четырьмя правилами арифметики, которую вообще плохо понимал. Особенно деление, говорят, стоило ему многих слез и трудов.

Но с 9-го года начала развиваться у него страсть к чтению, которая и не покидала его всю жизнь. Он прочел, как водится, сперва Плутарха, потом «Илиаду» и «Одиссею» в переводе Битобе^[23], потом приступил к библиотеке своего отца, которая наполнена была французскими классиками XVII века и произведениями философов последующего столетия. Сергей Львович поддерживал в детях это расположение к чтению и вместе с ними читывал избранные сочинения. Говорят, он особенно мастерски передавал Мольера, которого знал почти наизусть, но еще и этого было недостаточно для Александра Пушкина. Он проводил бессонные ночи, тайком забираясь в кабинет отца и без разбора *пожирал* все книги, попадавшие ему под руку. Вот почему замечание Льва Сергеевича, что на 11-м году, при необычайной памяти своей, Пушкин уже знал наизусть всю французскую литературу, может быть принято с некоторым ограничением^[24].

Первые попытки авторства, вообще рано проявляющиеся у детей, пристрастившихся к чтению, обнаружились у Пушкина, разумеется, на французском языке и отзывались влиянием знаменитого комического писателя Франции^[25]. Пушкин любил импровизировать комедийки и, по общему согласию с сестрой, устроил нечто вроде театра, где автором и актером был брат, а публикой – сестра. Раз как-то публика освистала его пьесу «L'Escamoteur»⁵⁴. Автор отделался от оскорбления эпиграммой, сохранившейся доселе в памяти тогдашнего судьи:

Dis-moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas – c'est que la pauvre auteur
L'escamota de Molière⁵⁵.

Стишки гладенькие и легкие. Они были предшественниками таких же русских стихов, которые Пушкин начал писать уже в лицее. Авторство шло параллельно с его чтением. Ознакомившись с Лафонтеном, Пушкин стал писать басни. Начитавшись «Генриады»^[26], он задумал поэму в 6 песнях, но здесь останавливает нас одна характеристическая особенность. Это

⁵⁴ Похититель (франц.). – Ред.

⁵⁵ «Скажи, за что партер освистал моего «Похитителя»? Увы! за то, что бедный автор похитил его у Мольера». За эти драгоценные подробности мы еще раз повторяем благодарность нашу Ольге Сергеевне Павлицевой, и особенно теперь, когда указания ее почти уже все исчерпаны нами. Сделаем одно замечание. Нельзя ручаться, чтобы стихи, приводимые здесь, не были невольно изменены и отчасти исправлены при передаче их после столь долгого времени.

была не героическая поэма, как следовало бы ожидать, а шуточная. Содержанием послужила война между карлами и карлицами во времена Дагоберта. Карло последнего, по имени Toly, был героем ее, почему и вся поэма называется «La Tolyade». Стихотворная шутка начиналась так:

Je chante ce combat, que Toly remporta,
Où maint guerrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fur le prix d'une horrible esoarmouche⁵⁶.

Все это было во вкусе того, что слышал Пушкин вокруг себя и чему он довольно долго подражал, как увидим после. Гувернантка похитила тетрадку поэта и отдала г. Шеделю, жалуюсь, что m-г Alexandre за подобными вздорами забывает о своих уроках. Шедель расхохотался при первых стихах. Раздраженный автор тут же бросил в печку свое произведение.

Г-н Макаров рассказывает^[27] стыд и замешательство молодого Пушкина, когда в доме графа Бутурлина, по разнесшейся молве о поэтических его дарованиях, к нему приступили все жившие там девушки с альбомами и просьбами написать что-нибудь. Какой-то господин прочел русское четверостишие Пушкина и, для большей торжественности, ударял на «о»^[28]⁵⁷. Мальчик только успел сказать: «Ah, mon Dieu!»⁵⁸ – и убежал без памяти в библиотеку графа, где долго еще не мог прийти в себя. Эта сцена повторилась в жизни Пушкина, но судьей был тогда Державин, слушателями все наставники лицея и публика, собравшаяся на экзамен, а читанное произведение («Воспоминания в Царском Селе») носило уже признаки зарождающегося таланта^[29].

Между тем приблизилось время общественного образования для Пушкина. Глаза всех родителей обращены были тогда на Иезуитский коллегиум, существовавший в Петербурге и приобретший известность в деле воспитания. Пушкины нарочно ездили в Петербург для устройства этого дела и переговоров с директорами заведения, когда положение об открытии Царскосельского лицея совершенно изменило планы их. Директором лицея был назначен Василий Федорович Малиновский, с которым, как и с братьями его, Сергей Львович находился в дружеских сношениях. При помощи его, а особенно при содействии А.И. Тургенева, горячо принявшего за это дело, двенадцатилетний Пушкин был принят в счет тех 30-ти воспитанников, из которых, по положению, должен был состоять весь лицей. Василий Львович привез племянника в Петербург и держал его у себя в доме все время, покуда он приготавлился к экзамену. 12-го августа 1811 года Пушкин, вместе с Дельвигом, выдержал приемный экзамен и поступил в лицей. Список воспитанников лицея был утвержден Александром I 22 сентября 1811 года... Известно, что месяц и число открытия лицея (19-го октября) часто встречаются в стихотворениях Пушкина, посвященных воспоминанию о товарищах и своем пребывании между ними.

Вскоре лицейская семья умножилась. Один из профессоров (г. Гауеншильд) завел пансион для приготовления молодых людей ко вступлению в лицей, а таких было много. Пансион, с высочайшего соизволения, причислен к казенным учебным заведениям под именем Лицейского пансиона и сравнен в служебных правах с гимназиями. В пансионе, как и в самом лицее, Пушкин нашел дружеские привязанности, которым оставался верен в продолжение

⁵⁶ Пою сражение, выигранное Толи, где пало много ратников, где Павел отличился, а с ним Николай Матюрин и прекрасная Нитуш, рука которой была наградой за эту страшную схватку

⁵⁷ Это противоречит другому показанию, что Пушкин не писал русских стихов в малолетстве, но мы оставляем здесь слова г. Макарова. Притом же тут совершенной исключительности допустить нельзя. Пушкин мог погрешить и русским четверостишием в это время

⁵⁸ «О, мой бог!» (франц.). – Ред.

целой жизни^[30]. Вообще привязанность воспитанников лицея к месту первоначального своего образования составляет их общую черту. Дельвиг тосковал о лицее на другой же день после своего выхода. Известно, что он писал почти тотчас по приезде в Петербург:

Не мило мне на новоселье:
Здесь все увяло, там цвело;
Одно и есть мое веселье —
Увидеть Царское Село^[31].

Учебная жизнь молодого Пушкина не была блестяща. При обширной, почти изумительной памяти, ему не доставало продолжительных, ровных усилий внимания. К тому же в характере его было какое-то нежелание выказывать и те познания, которые он приобрел. Вероятно, по этой причине аттестат, выданный Пушкину по окончании курса, свидетельствовал, как сообщает Лев Сергеевич Пушкин, о посредственных успехах даже в русском языке⁵⁹.

Не входя здесь в подробности преподавания, для чего не имеем мы и достаточных материалов, ограничимся при описании лицея тем, что ближайшим образом касалось Пушкина. Каждый из учеников лицея имел свою отдельную комнату под надзором общего гувернера, С.Л. Ч<ирикова>, почтенного человека, посвятившего более тридцати лет жизни исполнению скромной своей должности, и дозволялось по праздникам посещение известных лиц, живших в Царском Селе; для прогулок открыты были воспитанникам сады дворца, а для занятий свободный вход в довольно богатую библиотеку лицея.

Замечательно, что в лицее основные черты характера Пушкина развернулись очень скоро, как будто здесь предоставлен им был простор и сняты были с них досадные помехи; с одной стороны, обнаружилось доверчивое и любящее сердце, с другой – расположение к насмешке и преследованию неприятных личностей, доводившее иногда многих до детского отчаяния^[32]. Товарищи называли его французом, вероятно, за превосходное знание французского языка, но эпитет этот скрывал также и нерасположение их к живому и задорному мальчику и выводил иногда самого Пушкина из терпенья. Только немногие знали – и в том числе Дельвиг – его душу, сильно расположенную к приязни и откровенности. Дельвиг был идеалист в жизни, если не в сочинениях. Он еще в лицее побудил Пушкина заниматься немецкой литературой и читать германских поэтов; но Пушкин, кажется, оставил своего товарища на первых попытках ознакомиться с Клопштоком^[33]. Смутное предчувствие жизни, неясная потребность сущности держали его постоянно в кругу французских поэтов, с которыми он знаком был хорошо. Тогда еще не только Пушкин, но и почти никто у нас не выдал, как была бедна эта поэзия чувством и истиной. Гораздо лучше этого питал ранние умственные наклонности Пушкина другой предмет – история. Мы находим, по единогласному свидетельству самих товарищей Пушкина, что, вместе с французскою и отечественною словесностью, он преимущественно занимался историею и между этими предметами делил все свое время и все свои чтения^[34].

Таким образом, очень естественно, что Пушкин продолжал писать французские стихи и в лицее. У нас есть целое стихотворение его, писанное на заданную тему: *jusqu'au plaisir de*

⁵⁹ В архивах лицея, по свидетельству г. Гаевского (см. «Современник», 1853, № II), сохранены ведомости о дарованиях, прилежании и успехах воспитанников лицея: с 1 ноября 1812 по 1 января 1814 и с 19 ноября 1812 по 1 февраля 1814 года. В первой, за географию, всеобщую и российскую историю, профессор Кайданов аттестовал Пушкина так: «при малом прилежании, оказывает очень хорошие успехи и сие должно приписать одним только прекрасным его дарованиям. В поведении резв, но менее противу прежнего». Во второй, составленной профессором логики и нравственных наук А.П. Куниничным, Пушкин аттестуется: «весьма понятен, замысловат и остроумен, но крайне неприлежен. Он способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения, а потому успехи его очень невелики, особенно по части логики»

nous revoir⁶⁰. Приводим два первые куплета этой пьесы, вызванной соревнованием в одном из царскосельских обществ, где в числе занятий были и литературные состязания^[35].

Couplets.

Quand un poète en son extase
Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traine sa phrase,
Quand on écoute un perroquet, —
Ne trouvant pas le mot pour rire,
On dort, on baille en son mouchoir,
On attend le moment de dire:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

* * *

Mais tête-à-tête avec sa belle,
Ou bien avec des gens d'esprit,
Le vrai bonheur se renouvelle, —
On est content, Ton chante, on rit:
Prolongez vos paisibles veilles,
Et chantez vers la fin du soir
A vos amis, à vos bouteilles:
Jusqu'au plaisir de nous revoir u m. d.

⁶⁰ до приятного свидания (франц.). – Ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Сведения о месте рождения Пушкина впоследствии неоднократно уточнялись. Согласно новейшим архивным разысканиям, поэт родился в доме И.В. Скворцова на Малой Почтовой улице, угол Госпитального переулка (см.: Романюк С. Где родился Пушкин? – Моск. правда, 1980, 14 сентября).

2.

В современных изданиях печатаются под названием «Начало автобиографии».

3.

Выделяя в набросках автобиографии имя Григория Гавриловича Пушкина, поэт, однако, имел в виду его отца Гаврилу Григорьевича – воеводу, думного дворянина, сторонника Лжедмитрия – изображенного также в трагедии «Борис Годунов» (см.: Пушкин. Полн. собр. соч. Т. VII. Драматические произведения. Комментар. Г.О. Винокура. (Л.), Изд-во АН СССР, (1935), с. 464).

4.

Свадьба родителей поэта действительно состоялась в Петербурге в 1796 году. Ольга Сергеевна Пушкина-Павлищева родилась 20 декабря 1797 года.

5.

Иван Абрамович Ганнибал скончался 12 октября 1801 года.

6.

Кобринно было продано в 1800 году, Захарово куплено в 1804 году.

7.

Цитируемое ниже письмо датируется 6 марта 1827 года.

8.

Стихотворение «Няне» («Подруга дней моих суровых...») относится к 1826 году и, таким образом, не является в точном смысле ответом на приведенное выше письмо.

9.

Николай Пушкин родился 26 марта 1801 года.

10.

Ср.: Шевырев С.П. Рассказы о Пушкине. – В кн.: П. в восп., т. 2, с. 38.

11.

Анненков цитирует пушкинское «Послание к Юдину» (1815).

12.

Посещение Пушкиным Захарова относится к июлю 1830 года (см.: Лернер, с. 215).

13.

То есть в чине статского советника.

14.

Эти сведения неточны: повар В.Л. Пушкина торговцем не стал, умер не ранее 1838 года (см.: ЛН, т. 58, с. 350).

15.

С.Л. Пушкин познакомился с Шимановской в Варшаве, где служил в 1814 году; в 1827–1831 годах знаменитая пианистка вместе с дочерьми проживала в России, к этому времени и относится ее знакомство с А.С. Пушкиным.

16.

В.Л. Пушкин отправился в заграничное путешествие в конце апреля 1803 года и в течение 1803–1804 годов посетил Германию, Францию и Англию. В начале 1803 года написана и шутивная поэма И.И. Дмитриева, опубликованная позднее: «Путешествие NN в Париж и Лондон. Писанное за три дня до путешествия» (М., 1808; отпечатано тиражом 50 экз.).

17.

В.Л. Пушкин – автор широко известной юмористической поэмы «Опасный сосед» (1811).

18.

У Дмитриева «в Лицее» – одном из только что появившихся тогда во Франции средних учебных заведений классического типа. Далее в приведенном отрывке «Путешествия» упоминаются модные имена тогдашнего Парижа, новинки парижской жизни.

19.

Пантеон – место погребения выдающихся деятелей Франции, был открыт в 1802 году.

20.

Отряд телохранителей Наполеона, привезенный им во Францию из Египта.

21.

«Дух Массильйона, епископа Клермонского, или Мысли, избранные из его творений о различных предметах нравственности и благочестия».

22.

Речь идет о сестре А.С. Пушкина О.С. Пушкиной-Павлицевой.

23.

Имеются в виду «Сравнительные жизнеописания» Плутарха во французском переводе Амио (издание 1783–1787 или 1801–1806) и французский прозаический перевод «Илиады» и «Одиссеи» (издание 1780–1785 и 1787–1788).

24.

См. «Биографическое известие об А.С. Пушкине» Л.С. Пушкина (П. в восп., т. 1, с. 58).

25.

Анненков имеет в виду Мольера.

26.

«Генриада» (1723–1728) – эпическая поэма Вольтера, прославляющая короля Генриха IV; в сознании русских читателей XVIII века – центральное произведение писателя.

27.

См.: Макаров М.Н. Александр Сергеевич Пушкин в детстве. (Из записок о моем знакомстве). – С, 1843, т. 29, с. 375) (тоже: П. в восп., т. 1, с. 55).

28.

Такое чтение было в ту эпоху приметой высокой речи.

29.

О чтении стихов на лицейском экзамене Пушкин пишет во фрагменте «Державин» своих воспоминаний, а также во второй строфе VIII главы «Евгения Онегина».

30.

В Благородном пансионе при Царскосельском лицее воспитывались, в частности, Л.С. Пушкин и П.В. Нащокин (см.: П. в восп., т. 2, с. 184).

31.

Из стихотворения «В альбаум» (напечатано в 1820 году). По свидетельству П.А. Плетнева (не вполне, впрочем, достоверному), эти стихи были написаны на другой день после выхода из лицея (см.: Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым, т. I. СПб., 1896, с. 538).

32.

См. «Воспоминания о детстве Пушкина» С.Д. Комовского, написанные специально для Анненкова (П. в восп., т. 1, с. 67).

33.

См.: Гаевский В. Дельвиг. Статья первая. – С, 1853, февраль, отд. III, с. 72. Ср. также в неоконченной лицейской поэме Пушкина «Бова» (1814): «разбирал я немца Клопштока // И не мог понять премудрого!»

34.

См. записку Комовского и примечания к ней М.Л. Яковлева (П. в восп., т. 1, с. 66).

35.

Речь идет о литературных играх в доме лицейского преподавателя музыки Теппер де Фергюссона. Приведенные куплеты написаны, вероятно, во 2-й половине 1816 – 1-й половине 1817 года.

719.

Биографическое известие об А.С. Пушкине до 1826 года. (Впервые: Мс, 1853, ч. III, № 10. См. также: П. в восп., т. 1, с. 58–65.)

720.

Воспоминания о детстве А.С. Пушкина (см.: П. в восп., т. 1, с. 47–57). Анненков использовал также устные рассказы Ольги Сергеевны (запись одного из них см.: Модзалевский, с. 372–373).

721.

Воспоминания о Пушкине (см.: П. в восп., т. 1, с. 183–193).

722.

Речь идет о публикации П.И. Бартенева «А.С. Пушкин. Материалы для его биографии» (Московские ведомости, 1854, № 71). (Историю этой публикации см.: Модзалевский, с. 305–317.)

723.

Имеется в виду статья Александра Юрьевича Пушкина (двоюродного дяди поэта по матери) «Для биографии Пушкина».

724.

П.А. Ганнибал родился в 1742 году, умер около 1825 года.

725.

Ошибка Анненкова: автором статьи, которую он имеет в виду, был Н.В. Берг (Н.Б. Сельцо Захарово. – Мс, 1851, № 9 и 10, с. 29–39).

726.

Цитируемая заметка написана в 1836 году, в современных изданиях публикуется под названием «Путешествие В.Л.П.».